

КРОКОДИЛ

*Специальный
курортный
номер*

№№ 17—18

Москва

Июнь, 1935

Изд. газ. „Правда“

Рис. К. Ротова

— Почему автобус не отправляется?
— Еще не все экскурсанты сели...

К.Р.

АНКЕТА ОТДЫХАЮЩЕГО

„В ТЕСНИНАХ ДАРЬЯЛА“...

Рис. Л. Бродаты

Сатирически-врачебной комиссией Крокодила осмотрен отдыхающий (и довольно часто) ВОК (Всероссийское объединение курортов). Здоровье его найдено в удовлетворительном, систематически улучшающемся состоянии, но требующем все же немедленного излечения от целого ряда мелких дефектов. Не имея под руками всех необходимых средств лечения ВОК, мы заполнили необходимую анкету и отправляем ее до востребования общественному мнению больных и отдыхающих

Фамилия **ВОК**
 Национальность **из Курортов**
 Основная профессия **Работник здоровья**
 Где работает **По морям, морям, морям**
 Постоянный адрес **Нытье здесь, а завтра там (А преимущественно все-таки на юге)**
 Семейное положение **Имеется много родственников у врагов и администраторов все устроены. Знакомые родо**
 Социальное происхождение **Мама Наркоздрав, мама ВУСН**
 Организация, направляющая больного **Редакция „Крокодил“**

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

ОРГАНЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ

Сердце **Отзывчивое. Склонность к расширению. Сказывается на расширении администр. штатов и расходов.**
 Состояние сосудов **Неважное. В кекол, санаториях нет графика. И это еще хуже — канализация.**
 Шумы **Сильные. Особенно в мерное гасы. Преобладает хоровое пение и гитара**
 Толчки **При переезде больших на автобусах**
 Перебои **Преимущественно в культработе**

ОРГАНЫ ПИЩЕВАРЕНИЯ

Полость рта **На месте. Того келья сказ, о нек, дир. курортов**
 Зубы **Неизменные. Ввиду отсутствия кубитоваров на курорте**
 Желудок **Привычный. Не мучает. ежедн. рублен. коллет.**
 Печенка **Отсутствует, как и другие виды блгод**
 Селезенка **Взбрыкивает при позвении задержников, но успокаив. при обещании ошмен. ветерера. самог.**

НЕРВНАЯ СИСТЕМА

Двигательная сфера **Извозчики и терм. закуп. автобусы**
 Чувствительная сфера **Закаленная. Переколот даже задралке. котизерта в санаториях.**
 Психическая сфера **расшатана атеистическим разумом развлечений.**

КРОВЬ

Число эритроцитов **Меньше, чем родственников завхоза.**
 Лейкоцитов **Тот же.**

ФИЗИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

Прихрамывает на обе ноги. в сезон. подготовки к открытию. Страдает косякзвнцем в годовых отчетах.

СПЕЦИАЛЬНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Сервезник. заболелавный кер. Можег. ожить при вынужденном отъезде к себе и главн. образом — к больным

НЕОБХОДИМЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Ежедневный. продолжительный душ из самокритики.

2

Крокодил

В прежние времена разбой в горах выглядел так...

...А теперь — так.

ПОРИЦАНИЕ КРЫМУ

Как только ударяет лето, так многие хлопчут на юг по-пасть. Они думают, что приедут на юг, искупаются в Черном море — и они снова молоды и прекрасны. И все болезни и ненормальности у них ушли.

А которые молодые, те, я даже не знаю, о чем они думают. Многие, я так думаю, из озорства на юг едут. Хотят поглядеть, как и чего там бывает. А через это они затрудняют курорты. Стесняют движение. Суетню разводят. И зачастую через это трудней на юг поехать.

Главное, все больше едут молодые, здоровые, горластые. Чуть что — они в Крым собираются. И в кармане у них три копейки, а они как-то такое едут. Прямо удивительно глядеть, как у людей преломляется энергия.

Многим вообще нравится Крым. И некоторые особенно одобряют художественный путь от Севастополя до Ялты.

И я не отрицаю: путь этот имеет свои прелести. С одной стороны над вами возвышаются горы. И они, так сказать, вызывают чувство удивления и гордости, что у нас бывают такие горы, недоступные многим низменным и в художественном отношении отсталым странам.

А с другой стороны внизу лежит море. И оно тоже отчасти заставляет гордиться, что вообще бывают такие моря и так они оригинально лежат: как-то такое внизу, а над этим прямо в небо упирается почти два километра суши. И автобус едет между тем и этим. И это тоже у них довольно художественно получается.

И многих это тоже восхищает. Многие горят желанием почаще там бывать.

И я не отрицаю, что крымские курорты иногда забавно видеть. Только я не поклонник там на автобусах ездить. Вот автобусы у них, действительно, что-то особенное в смысле неприятности.

Конечно, говорят, что ученые начали проектировать крымскую электричку. И там будут ездить поезда по южному побережью. И только ученые, кажется, еще не окончательно убедились, где им пускать поезда — внизу или наверху.

Но уверяю вас: где бы они ни пустили, все будет в высшей степени хорошо. Пускайте эти поезда, только не допускайте меня на крымских автобусах ездить.

Главное, стоит у вокзала, представьте себе, маленькая, мизерная машина. И со стороны, пока в нее не сядешь, думаешь, что в эту машину, ну, там человек шесть может сесть.

Каково же берет удивление, когда начинается посадка. Тогда выясняется, что только на одну скамейку 6 человек садится. А там скамеек бесчисленное множество. И даже у них как-то такое бывает, что, например, все сидящие в одном московском вагоне — все умещаются в этом автобусе.

После этого начинается художественная поездка по южному побережью.

Вдобавок у многих дети на руках. Один непременно с козой едет. Он ее на руках держит. И она от страха всех бодает на поворотах. Но ему об этом сказать нельзя, поскольку он, может быть, выполняет сельскохозяйственный план.

А некоторые вместо коз и детей держат на коленях узелки и корзинки. И все это подпрыгивает во время художественного пути. Но это подпрыгивают мелкие вещи. А багаж где-то отдельно подпрыгивает.

А для нервного человека такое отдельное путешествие от вещей тоже как-то морально тяжело переносить. Все время думаешь: а где же, собственно говоря, вещи. И не то, что ты боишься, что их сопрут, но думаешь: наверно, твою корзинку в Мисхор завезли и после разных формальностей ее тебе выдадут в конце лета.

Через это путешествие утомляет. И художественная красота пути не так, что ли, в достаточной мере заинтересовывает. Вдобавок мало чего видать. Тем более, автобусы у них крытые. А с боков сидишь, сжатый пассажирами.

А которые словчились сесть у края, то это еще ничего не говорит. И счастье этих всегда омрачается слабостью остальных. И из 30 пассажиров всегда находится 6 слабогрудых дам, которых закачивает в пути.

И тогда все сидящие не с боков злорадно восклицают: «Да пустите же ее, наконец, сбоку сесть, видите, дамочка побледнела и затрудняется дальше ехать».

И тогда захворавшая со всем нахальством, присущим указанным людям, сама садится с краю и едет. И там ее охлаждают зефиры, и там она, не стесняя пассажиров, может склонять свою головку куда ей вздумается.

А вы тем временем садитесь на ее место — между козой и стрелком, у которого в руках мелкокалиберная винтовка. И страх, что эта винтовка может от сотрясения выпалить, тоже помрачает красоту пути.

И вот тем временем в рассуждении всех этих вещей и пассажиров незаметно проходит часть пути. Но зато вторая часть пути, наиболее интересная, проходит с ослабленной психикой. И даже едешь в некотором равнодушии и даже, что ли, с какой-то бесчувственностью во взоре. И даже по временам восклицаешь: «Крым, Крым — подумаешь!»

Короче говоря, подобные мысли и воспоминания пришли нам в голову в тот день, когда мы раздумали поехать в Крым. И не то, чтобы раздумали, а как-то такое в этом году нам не пришлось поехать на южное побережье. И вместо этого погубительного Крыма мы сняли дачку в Парголове и сейчас весьма довольны.

Ну что, действительно, все время — Крым. Пыль. Жара. Горы бестолково торчат. Три дня ехать. Билеты опять же покупать. А тут снял дачку и можно жить без всякого затруднения. И в сущности говоря, то же самое — пыль, жара. Только что гор нету. И моря. И не так художественно.

Тем более, сейчас лето. Виноград еще не созрел. Бархатный сезон впереди. Так что особенного интереса нету туда ехать. А осенью, может быть, и поеду. А вообще хотелось бы на все крымское путешествие тратить часа два-три.

И вот когда будут летать стратопланы, то это так и будет. В 12 часов дня сел в Ленинграде — и в три часа купаешься в Черном море. А в 6 вечера обратно дома. Вот это будет интересно.

Но, вообще-то говоря, я ждать этого времени не намерен, и три дня пути меня тоже не особенно останавливают.

В общем, сердечный привет поехавшим в Крым.

И как ни брани этот Крым, а все-таки это, так сказать, чудная жемчужина в курортном деле.

А что касается оправы для нее, то она постепенно будет улучшаться.

У ПОДНОЖЬЯ КАЗБЕКА

Рис. А. Радакова

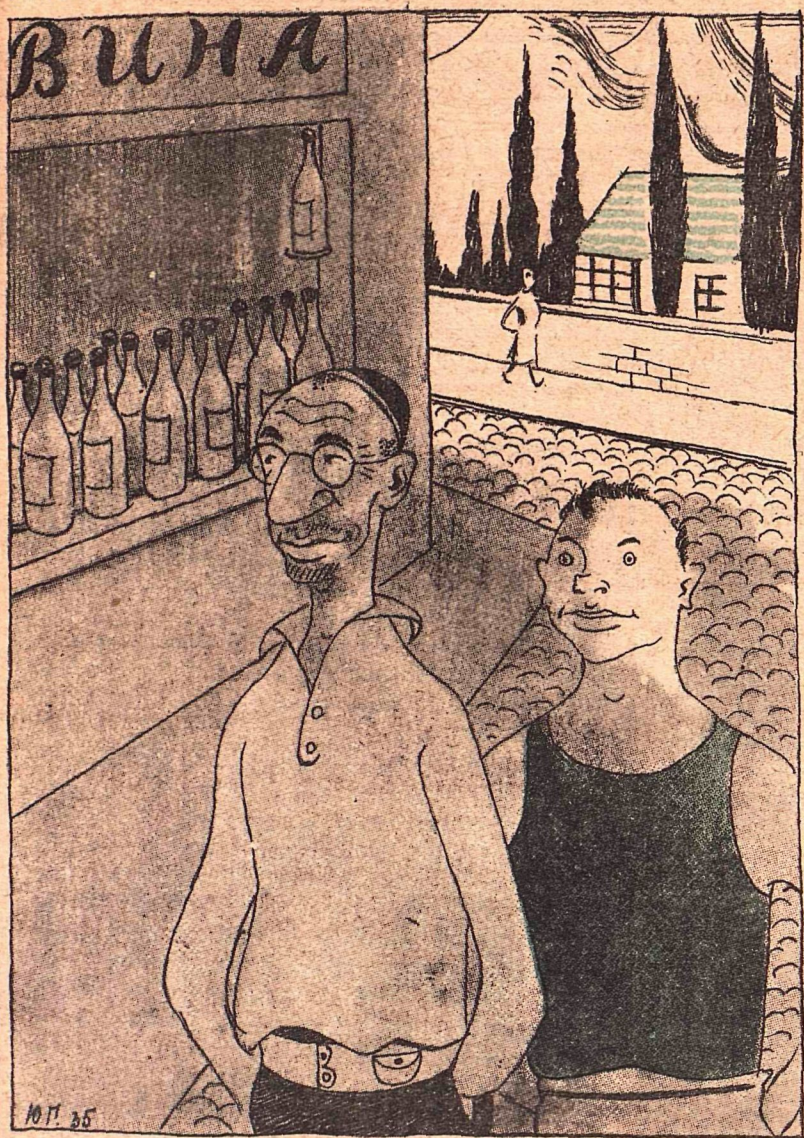

— Пять тысяч метров! Господи! Пока его весь испишешь!..

Мих. ЗОЦЕНКО

ЗАГАДКА ПРИРОДЫ

рис. Ю. Ганфа

— Странный здесь климат: и на солнце, и в тени сорок градусов!

РАЗ В ГОДУ

Еще за день до отъезда в отпуск в Петре Семеновиче происходят большие перемены. В глазах его появляется лучезарный свет, и на лице такое выражение, словно он хочет сказать: жизнь прекрасна, я вас всех люблю, желудок у меня варит отлично. В свежей сорочке, выбритый, причесанный, Петр Семенович со всеми приветлив.

Счастливы те посетители, которые в этот день попадают к нему на прием. Он попросит их сесть, внимательно выслушает.

— Как жаль,—скажет он им на прощание,—что я завтра уезжаю. Без всякой волокиты, в два счета ваше дельце обернул бы... Но, ничего,—утешит он,—здесь остается мой заместитель. Я ему скажу, он все сделает.

И подчиненным Петра Семеновича хорошо в этот день. Он осведомляется о их здоровье, как у них с квартирными условиями и т. д.

— Куда вы так спешите?—остановит он в коридоре бегущего куда-то подчиненного. — Ну как вы живете?—спросит Петр Семенович испуганного подчиненного. — Что-то вы очень похудели? Не глисты ли у вас?.. Надо беречь свое здоровье. Ой, товарищи, надо беречь свое здоровье!—скажет по-простецки, нравоучительно Петр Семенович и пойдет дальше.

И домашним Петра Семеновича очень хорошо в этот день.

— Не надо, Маша, огорчаться... Ну, пережарила мясо. Что ж с того! С'едим пережаренное. Подумаешь, беда!..

Домашние удивлены, потому что в обычное время из-за этого пережаренного мяса был бы такой скандал, что домработница плакала бы на кухне, а жена в ванной. Жена Петра Семеновича почему-то всегда плакала в ванной, хотя могла плакать в столовой, в спальне и в передней... Да, в обычное время Ленке—семилетнему сыну Петра Семеновича—пришлось бы худо за разбитый стакан. А сегодня...

— В его возрасте и я разбивал стаканы. Простим его, Маша...

На вокзале Петр Семенович целует нежно жену, сына и по-товарищески пожимает руку домработнице.

Домработница так растрогана, что роняет слезы и говорит вслед уходящему поезду:

— Какого хорошего человека увезли!..

Если у Петра Семеновича нижняя полка, он обязательно скажет своему спутнику по купе:

— Может быть, вы хотите нижнюю,—пожалуйста, я могу и на верхней, мне все равно.

В доме отдыха Петр Семенович самый приятный человек. С ним приятно играть в волейбол и в преферанс. Он ни с кем не ссорится. В дождливую погоду, когда отдыхающие после ужина сидят за круглым столом в гостиной, лучше Петра Семеновича никто не рассмешит.

— Какой симпатичный этот Петр Семенович!—говорят про него дамы.—Корректный, и с ним так легко танцевать!

— Какой замечательный парень этот Петр Семенович!—говорят про него мужчины.—Весельчак... Умница...

Когда Петр Семенович уезжает из дома отдыха, его провожают с цветами. Карманы его переполнены адресами и номерами телефонов.

— Если вы мне в Москве не позвоните, Петр Семенович, я обижусь.

— Обязательно позвоню, обязательно...

— Я вам напишу из Новосибирска, но смотрите, ответьте...

— Обязательно отвечу, обязательно...

Поезд ушел, и два дня отдыхающие чувствуют себя осиротелыми. Все как-то не клеится. Не хватает Петра Семеновича. И об этом отдыхающие громко говорят.

— Был бы здесь Петр Семенович, мы бы не скучали.

— Эх, Петра Семеновича нет, вот с кем бы сыграть в шахматы!

— Жаль, уехал Петр Семенович... С ним было так легко танцевать...

— Не поется, недостает Петра Семеновича...—и т. д. и т. д.

А между тем Петр Семенович уже под'езжает к своему дому хмурый и небритый.

— Чорт знает, что такое!—стучит он кулаком.—Чай пахнет керосином... Во всех домах чай как чай, а у нас пахнет керосином!

Домработница плачет на кухне, жена в ванной...

Бедные посетители, которые на следующий день попадают на глаза Петру Семеновичу!

— Видите, я занят. Вас тысяча, а я один!

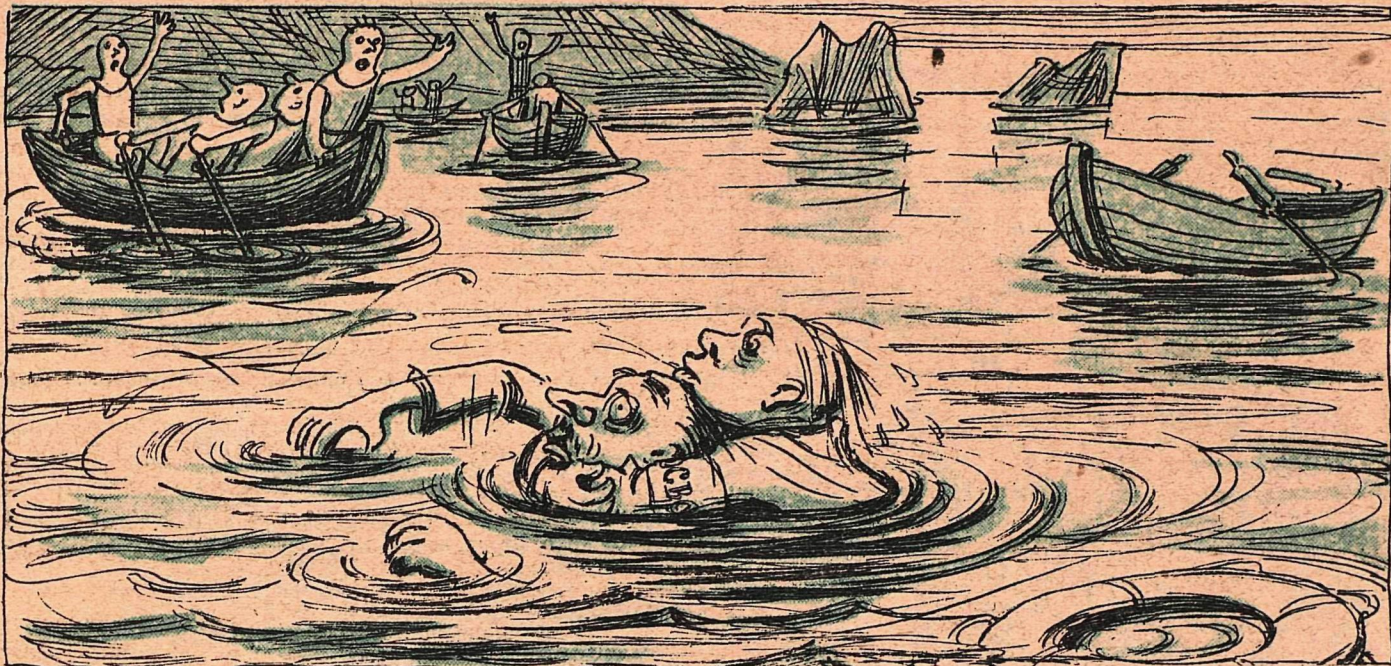
Он груб и беспощаден.

И подчиненным Петра Семеновича очень плохо в этот день, а также и в следующий день...

— Чем вы думаете?.. У вас, наверно, в голове не мозг, а глисты копошатся!—кричит он на испуганного подчиненного.

И мягкость и жизнерадостность—все исчезло. Вновь мы видим перед собой мрачного человека с недобрим светом в глазах и таким выражением на лице, словно у него желудок совсем отказался варить...

Б. ЛЕВИН

— Кого это публика приветствует?
— Утопающего. Он осведовца спасает.

„МОЛЧИ, БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ!“

Чем примечателен товарищ Гвоздик, директор курорта «Прохладные ключи», — это в первую очередь твердость своего характера и одинаковым отношением ко всем курортным больным. Он в своей практической работе неукоснительно руководствуется одним принципом: «курортник — не собака, а человек». А так как всякого человека он считает источником беспокойства, то и курортников он недолюбливает. Тем более, что наш директор не признает никаких болезней, кроме собственного ишиаса. Что же касается неправильного обмена веществ, — он считает это простым жульничеством, наподобие непорочного зачатия.

Так до недавнего времени жил и мыслил Гвоздик, стараясь не прислушиваться к ропоту недовольных порядками во вверенном ему лечебном учреждении.

И вот пробил час. Роковой час. Впервые за отчетный период просочилось волнение в непроницаемую душу нашего героя.

Пришло извещение, что в «Прохладные ключи» направлен больной Орлов, Сергей Николаевич. К счастью, в это время в канцелярии находился один из курортников, рыжеватый счетовод какого-то греста. Он авторитетно разъяснил: этот Орлов — заместитель наркома.

Екнуло сердце директора. Да что там сердце! «Молчи, беспокойное сердце!» Директорский ишиас, и тот дал себя сразу почувствовать. Подумать только: заместитель наркома! Сюда все ездят токари по металлу и агенты по снабжению. А тут вдруг такая личность!

Директор вызывает завхоза.

— Очистить в белом флигеле комнату! Ту, что к южной стороне и под окнами сирень! Кровать чтоб была пружинная и на всех четырех ножках! В уборной сделать крючки, если нет, — вывинтить из других уборных. Коврик положи, — заберешь из четвертой комнаты. Поставь ему две плеватальницы: захочет плюнуть, чтоб был выбор. Синюю вазу из красного уголка поставь ему на стол, — и чтоб каждый день свежие цветы. Налегай на хризантемы! Может, он их любит. А вообще помни, товарищ завхоз, чтоб обращение было с этим человеком самое деликатное, предупредительное и без всякого подхалимства. Да не забудь каждое утро от моего имени справляться о здоровье и нет ли каких-нибудь заявлений.

Старшему врачу директор сказал:

— Понимаете, Евграфий Петрович, такая персона к нам

едет. Мы должны себя показать по всем статьям. У него, надо полагать, не простой запор или грубое воспаление почечной лоханки. У него, я так думаю, или лейкоциты в поле зрения, или оксалаты в почках. Надо постараться, чтоб через декаду осталось чистое поле зрения, без лейкоцитов.

К вечеру все было приготовлено к встрече дорогого гостя. Но вдруг прибегает рыжеватый счетовод и, чорт бы его побрал, говорит, заикаясь от смущения и раскаяния:

— Товарищ Гвоздик! Получилась, извините за выражение, опечатка. Заместитель наркома действительно Орлов. Но не Сергей Николаевич, а Семен Николаевич.

Счетовод, взглянув на директора, понял: «еще одна секунда, и мои дети станут сиротами». Он бежал, спотыкаясь и оглядываясь, нет ли погони.

А Гвоздик хватался за сердце и, не помня себя, вопил:

— Никаких комнат в белом флигеле! Никакой южной стороны! Вывинтить крючки из уборной! Забрать обе плеватальницы! Оставить лейкоциты!

Тревога, словно черная туча, нависла над «Прохладными ключами». Утро оказалось не мудреней вечера. Лишь только блеснул завтра луч денницы, как к директору прибежал рыжеватый счетовод, и лицо его лоснилось от счастья.

— Есть новые утешительные данные, товарищ директор...

Товарищ директор сразу почувствовал что-то недоброе.

— Есть новые данные. Семен Николаевич Орлов — тоже заместитель наркома. И Сергей Николаевич — заместитель. И Семен Николаевич — заместитель. Только в другом наркомате. Родственники они или простые однофамильцы — пока установить не удалось...

Директор уже не слышал окончания речи счетовода. Он побежал отдавать распоряжения. Комнату в белом флигеле! Окна к южной стороне! Крючки в уборную! Уничтожить лейкоциты!

Ударными усилиями мобилизованного аппарата удалось вновь обставить комнату во флигеле.

Солнце, как издавна известно, всходит и заходит. Так вот к самому заходу солнца директор получил записку от рыжеватого счетовода:

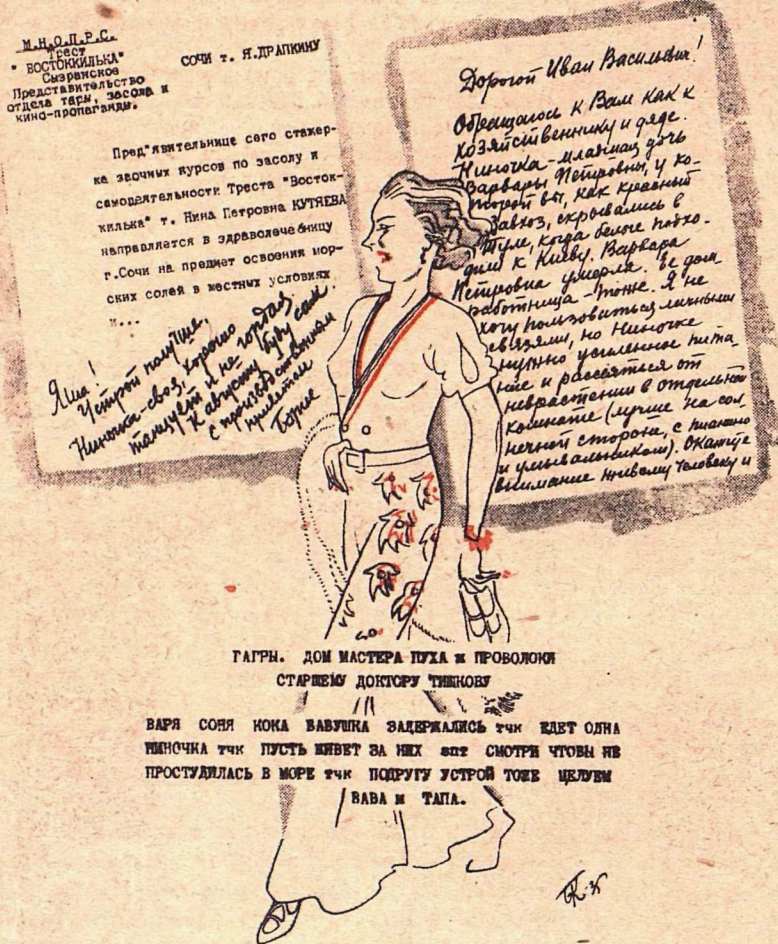
«Дорогой товарищ Гвоздик! Наконец-то мне удалось все точно установить. Семен Николаевич — действительно заместитель наркома. Тут никакой ошибки нет. Но это было полгода тому назад. А затем его сняли и поставили на вид...»

Словно подкошенный, директор упал в кресло. Екало сердце... «Молчи, беспокойное сердце!»

Г. РЫКЛИН

НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ

Рис. Б. Клинка

«И под каждым ей листком
Был готов и стол и дом...»

ВЕРХ ПРЕЖНЕГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Рис. Л. Генча

— У меня был дядя такой богатый, что даже нарзан-
ные ванны принимал с сиропом!

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

1. РУКОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИК

Около курорта выселись, как и полагается им всерьез и надолго, горы. Курортники бродили возле них и высекали на нижних обрыви-
стых стенках свои замечания.

— Народ все ж таки посознательнее становится, — сказал кто-то.
— Корову через ять не пишут?.. Еще осталось... Горы портят...
— Это верно... Но подпись другая пошла. Прежде что: «Здесь был...
Здесь был... Глядел на солнце... Смотрел на море...», а теперь
смотрите...

И курортники начали читать свежие высеченные на века надписи:
«Завхоз Соловьев в курорте «Красный запад» — вор. Тащит про-
дукты. А. Б.».

«Доктор Чубраков лжеспец. Определил мне миокардит, а у меня
ревматизм. Пострадавший».

«Кто в санатории «Всегда здоров» не бывал, тот и горя не видал.
Процедур никаких. Коля».

И повыше, почти на отвесе, доступном лишь горному козлу:
«Ура! Прив.-доц. Лапчикову! Поставил меня на ноги. Симеон
Крушкин».

— Видите... Куда сознательнее поколение пошло. А то все под-
писи да восходы солнца...

— О-о-х, — вздохнул кто-то, — проишут в этакой стенгоре, на век
калекой останешься...

— А ты не буди! — ответили сразу со всех сторон.

2. ВЕРИТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА

Перед отъездом в Москву он покупал в Крыму крымские яблоки.

— Надо же гостинцев в Москву привезти.

— Вы что ж, сюда за яблоками и приезжали?

— Не за яблоками, а вообще... Тем более, я ответственный. Что ж,
мне в Вытегре отдыхать прикажете?.. Вот что, милый, вы мне счет
напишите на два кило яблок.

— Зачем счет? — удивился крымчак.

— Уж так полагается. Дескать, отпущено два кило яблок. Алушка
и так далее. По форме... А то, знаете, в Москве не поверят, что это
действительно крымские...

Получив счет, он бережно положил его в карман, начал грызть
яблоки и сказал:

— Была бы бумажка, а яблочки можно и в Москве купить...

3. ОШИБКА

В санатории больные были недовольны уходом:

— Возьмите, например, сестру! Разве это сестра?! Она и темпе-
ратуру измерить не может, потому как считает только до 35! И вообще
груба! Какая это сестра?!

— Да она и не сестра, — возражали старожилы. — Не сестра, а тетя.
— Те-тетя?

— Ну да, тетя главврача, а сестра его вовсе кастеляншей работает!..

4. СЧАСТЬЕ РЕВОЛЬВЕРОВА

Пожилой молодой писатель Революверов стучал по столу:

— Никуда, как на юг!.. У вас же есть путевки. Тем более, я могу
еще вам собирать этот фольклор.. На берегу моря..

— Если вы хотите, Революверов, заняться фольклором, мы можем
вас отправить... на берег моря.

— Черного?

— Увы, Белого... Там вы найдете сказителей былин...

— Не хочу я этих искажителей... Слушайте, Сергей Иванович...

Революверов интимно прилеп на стол:

— Не будем спорить о цвете. Белое, черное, не все ли равно...
Дайте мне путевочку на берег этого самого загорелого Черного моря, и
я вам отработаю две, три былинки...

— Не могу, Революверов... там нет былин...

— Ну да, конечно... — возмутился пожилой молодой писатель Ре-
волюверов. — Пушкину бы дали, а он бы вам какой-нибудь там «Бах-
чисарайский фонтан» подкинул... А вот Революверову!..

Через день радостный, взволнованный Революверов явился снова.
Потрясал газетой:

— Пишите путевку в Ливадию. Отработаю две былинки...

И Революверов торжествующе прочитал:

«На-днях из Архангельска отправился в Крым для лечения рев-
матизма известный сказитель былин И. И. Иванов».

В. ТОБОЛЯКОВ

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

«Горячеводск, бальнеологический курорт, в 14 км от Грозного. Климат сухой, жаркий, континентальный. Лечебные средства: горячие сернисто-щелочно-глауберовые источники с температурой 77° и 88°, питающие пруды для купаний и ванное здание, и минеральная грязь сернистого характера; имеется источник питьевой с температурой 37°, типа Воржма. Лечебные учреждения: два больших открытых проточных пруда с горячей минеральной водой, ванное заведение, водолечебница, поликлиника с электро-светолечебными установками, лаборатория и пять санаторий. Показания: болезни органов движения, невриты, невралгии, женские, кожные заболевания и т. д. Сезон круглый год». (БСЭ, т. XVIII).

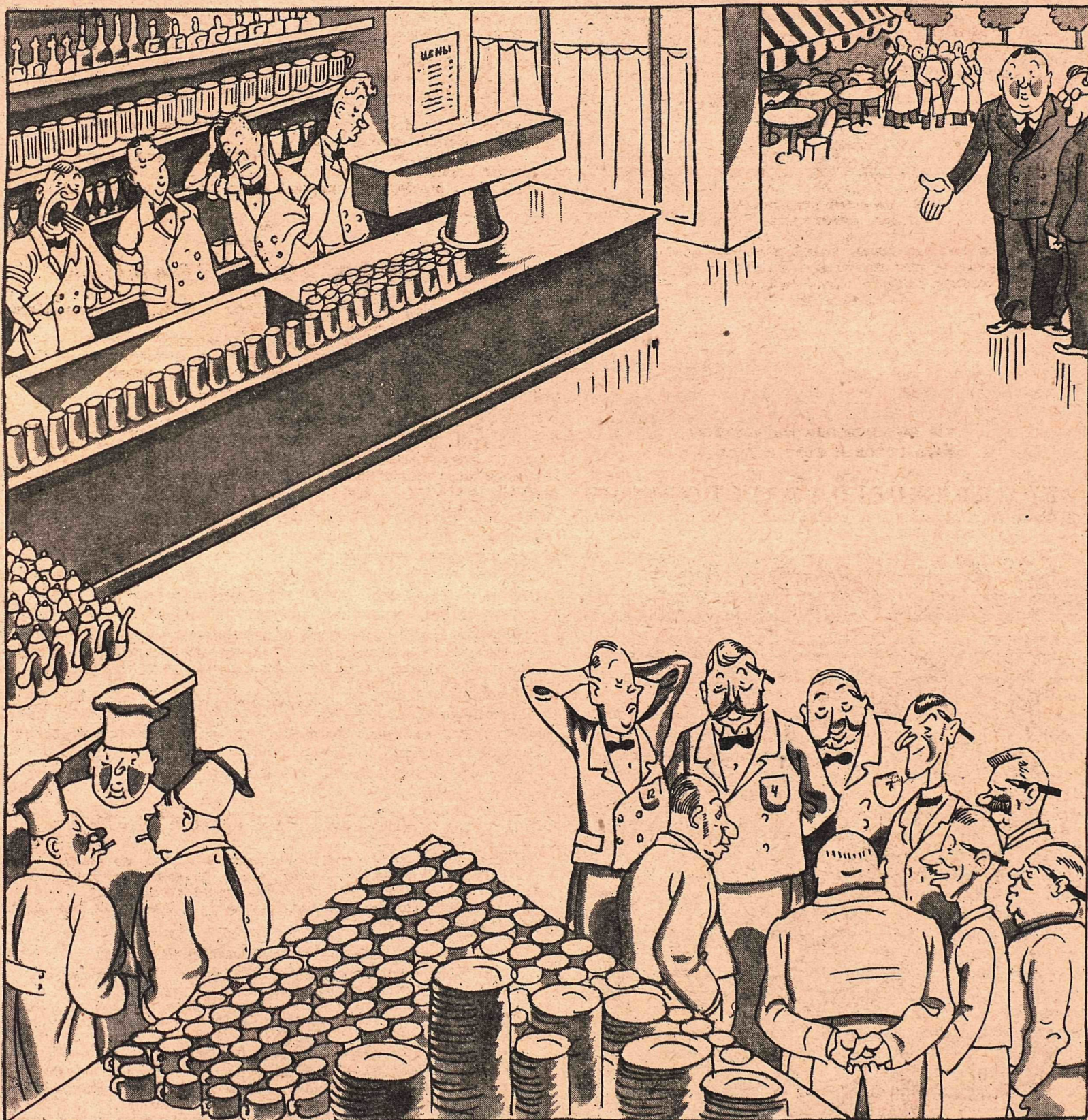
С прискорбием извещаем, что горячеводский курорт кончился. Какая-то не в меру бездарная геологоразведочная партия начала искать

в окрестностях курорта нефть. Бурили почем зря, вопреки всем правилам горносанаторной охраны, никакой нефти не нашли и ушли восвояси. Вместе с ним ушла в неизвестном направлении и целебная вода, и горячие сернисто-щелочно-глауберовые источники иссякли на вечные времена.

Но курорт был хороший. И составителям списка местных курортов не хочется с ним расставаться. Поэтому в списках по сей день числится не существующий уже в природе курорт — Горячеводск. Зато уральский курорт Ключи (курорт типа Мацесты) до сих пор в этих списках не числится. Так что в общем все в порядке.

НА ШВЕЙЦАРСКОМ КУРОРТЕ

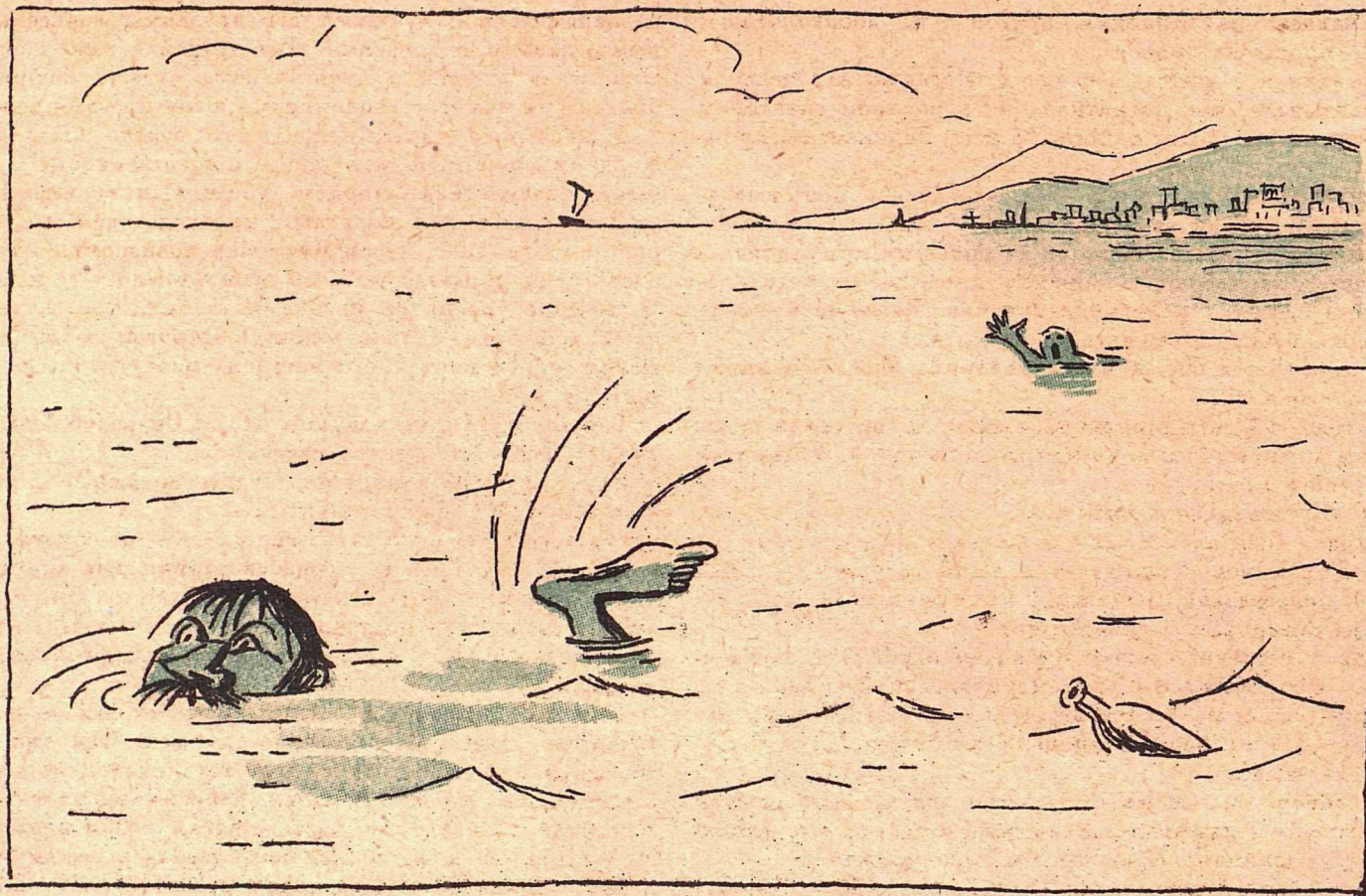
Рис. Бор. Ефимова

Бор. Ефимов - 35.

— Много у вас отдыхающих на курорте?
— Слишком! Весь персонал наших отелей.

Рис. Б. Малаховского

— Иван Петро-о-о-ович! Вас к телефо-о-ону!

ГЛУБОКАЯ НАТУРА

Он проснулся от глубокого, выразительного контраalto.

— ... Хемингуэй лаконичнее. Такой выстрадавший, чуть парадоксальный лаконизм... А у Пруста глубокая, внутренняя мелодичность...

Товарищ Кузменко свесил голову с верхней полки, и его мгновенно обжог взгляд прелестных черных глаз.

Еще вчера там, внизу, был только старичок в майке и усатая дама с удочкой, теперь же появилось это очаровательное, блестящее чудо.

— Да, я люблю красоту, — продолжала новая пассажирка. — Звучания Равеля, карандаш Мазерееля и рифму Пастернака...

Кузменко немедленно опустил вниз и через двадцать минут у окна, за которым мелькали кавказские кукурузные поля, чуть дрогнувшим голосом признавался ей, что редко встречал такую утонченную, культурную женщину...

А между тем менее всего товарищ Кузменко был похож на курортного безыдейного ловеласа.

Позади была суровая трудовая жизнь: борьба на фронте, борьба за овладение наукой на рабфаке, в вузе и, наконец, с напряжением всех сил завоеванная аспирантура.

Но товарищ Кузменко не был пошляком, и трудовая жизнь не привела его к мечтам о королевах торгсина с огненными ногтями, лазерными пижамами и плоскими пудренидами. Он мечтал о духовной изысканности.

На курорте он благоговейно носил за новой знакомой, Ирмой Андреевной, и томик Пастернака и японский зонтик с золотыми стрекозами...

Раздражала его только фигурка брюнета в яркооранжевых штиблетах, что неизменно маячила всюду, где бывала Ирма.

Казалось, что этот человечек, со скептически поношенным лицом, явился на пляж прямо с Ильинки 1924 года. Правда, он оказывал черноглазой даме ряд мелких услуг: доставал средство от москитов, ореховое масло, плетеные сандалии...

— Гоните этого шашлычника, Ирма, — просил Кузменко. — На какого он вам чорта?..

Но однажды, когда уже на правах любимого, с росистым

букетом роз, на рассвете он прокрался к ней в комнату, он увидел пару оранжевых штиблет, валявшихся на ковре. Человек же, очевидно, убежал через балкон... Задыхаясь от негодования, Кузменко поклялся уйти навсегда. Тогда, ломая руки, женщина открыла ему всю свою душу:

Да, она не в силах отрицать! Но это совсем не курортная связь, а, к сожалению, давнишняя, многолетняя! Как это случилось? О, он, передовой человек, не мещанин, он поймет! Угар нэпа... Она — беспомощная, неприспособленная к жизни... Позади — барское воспитание... Мориц дал ей возможность отдаться вопросам искусства, культуры... Да, это, конечно, низко, бывший частник, но она смыла это своим отвержением... То, что было теперь, — это уже инерция... Но она жаждет найти новую, здоровую, красивую жизнь, особенно теперь, когда с ней подлинный, прекрасный представитель эпохи!

Кузменко взглянул на страдающее, искаженное женское лицо и простил...

Но, странным образом, с этого момента, точно проверив всю силу его приверженности, женщина изменила и свой тон и даже свою одежду.

Очевидно, перестав стесняться, она принимала его в разношерстных шлепанцах (наследство Морица) и, лениво позывая, спрашивала: «Кусать принес?»

С ужасом он убедился в том, что его дама в домашней обстановке говорит на каком-то странном уголовно-фельдфельском жаргоне: «муштинки», «катись колбаской», «стрельнула», «он падает», «кобелировать», «на-ура»...

Порой же в ней пробуждалось остроумие, свойственное концу XIX века:

— «Профессор кислых шей!» — иронизировала она. — «Стреляйся кислым огурцом!», «Финансы пьют романсы!»

Когда же к ней приходила подруга, конечно, менее красивая, но раскрашенная, как карусельная лошадь, обе они заговорщически совещались о своих врагах. Врагами был населен весь мир, но самый неуловимый, коварный, продувной враг это — «муштинка». Его следовало сначала «обкручивать», а затем и «прижимать»...

Иногда обе дамы обменивались опытом охоты за этим зверем.

Один «падает» на «тряпки», другой — на «болтологию», а третий — просто на «мясо»...

Рассказывали и о тяжелых случаях. Негодуя, карусельная дама рассказывала, как потратила она в военном санатории целый вечер на обработку одного, по всем видимостям, «ромбовичка»...

— А, представь, вышла на свет, взгляделась попристальнее и вижу: на кубики нарвалась!..

И только раз он застал женщин за большим принципиальным спором. «Карусельная лошадь» дрожала от негодования, а Ирма сжимала маленькие кулачки. Какие-то блеклые фотокарточки были рассыпаны по кровати.

— Это мое убеждение, — гневно говорила Ирма, — и никто меня не переубедит!..

— А я тоже остаюсь при своем, — кричала, ослепляя синими бровями и кирпичными скулами, «лошадь». — У меня на это тоже свой взгляд!

И, хлопнув дверью, она выбежала.

— Гадина! — сказала Ирма. В первый раз по лицу ее обильно заструились искренние, горячие слезы. И затем, всхлиывая, рассказала, что между ними шел спор, кто красивее: Вера Холодная или Лисенко?

— Какая... Лисенко? — почти с ужасом спросил т. Кузменко и сразу же понял, что эти американствующие дамы со стриженными волосами, фокстротами и пониманием роли инсайда в футбольной защите продолжают тайно жить в провинции 1913 года!..

— Ну, конечно, она за Верку, — помолчав, ядовито сказала Ирма, — как все еврейчики... Ведь всем известно, что веркина настоящая фамилия была просто Холодкевич.

— Но, но, без антисемитизма! — добавил, давно амнистированный ею, Морид, аккуратно нарезаая салат, — а то жалиться буду!

Но жалиться решил не он, а Кузменко. Как он был одурочен! Постыдно, гнусно! А эта красногубая лживая паразитка безнаказанно существует и скольких еще «обкрутит», а затем и «прижмет» она...

Разоблачить, разоблачить эту гадину!

Но женщина сразу же догадалась о чем-то враждебном, что в начале проглядела она в этом человеке...

Еще в самый горячий период его любви она дальновидно обеспечила себе тыл. Как быстро через него удалось ей перезнакомиться с лучшими его друзьями, серьезными, честными людьми, с друзьями этих друзей и даже с их женами! Она стала вхожей в лучшие дома отдыха, непринужденно болтала на пляже с академиками и шутила с орденосцами!

А последнее время чаще всего можно было ее видеть с одним почетным ветераном общественности и науки, с шестидесятилетним старцем, убежденным сединами...

Лев Фомич был почетным председателем института, где работал Кузменко, и сам Кузменко познакомил их! Конечно, здесь речи не могло быть об использовании ее женских чар. Неизменно теперь ее можно было видеть в глухой английской кофточке с галстучком, в строгой юбке... Кузменко понял: через почтенного ветерана она устроится на службу, попадет в Москву.

Так нет же! Он не допустит этого! Он разоблачит... Он расскажет, какое это цепкое насекомое!

И утром в тот день, когда старец должен был уезжать, он кинулся в его санаторий...

Он обежал все комнаты, все аллеи — но тщетно... Отчаявшись, он тихо брел из парка санатория, как вдруг глубокое, выразительное контральто остановило его. Они сидели прямо на траве, под цветущим кустом жимолости, и женщина, нежно перебирая ковыльные, реденькие волосы, говорила задумчиво:

Да, отрицать она не будет, но это совсем не обычная курортная история, а гораздо глубже... Она так рвалась к новым, передовым людям, — к людям великой эпохи... Она так беспомощна, слаба со своим барским воспитанием... Этот Кузменко показался ей частью эпохи... Она пошла за ним... Но теперь все кончено... В нем оказалась бездна индивидуализма, бездна мелкобуржуазного... Особенно теперь, когда рядом с ней подлинный, прекрасный представитель эпохи...

— Но, знаешь что, Левочка, — добавила она озабоченно, — как это мне ни больно, но должна сказать, что тебе как руководителю и главе института не мешало бы подумать и о том, возможно ли оставлять таких людей на работе? Подумать и сделать решительный вывод... И ведь ты сделаешь его, мой светлый? Ты, сделаешь его, мой хороший?

В. ГЕРАСИМОВА

ПИСЬМО НЫНЕШНИХ ЗАПОРОЖЦЕВ

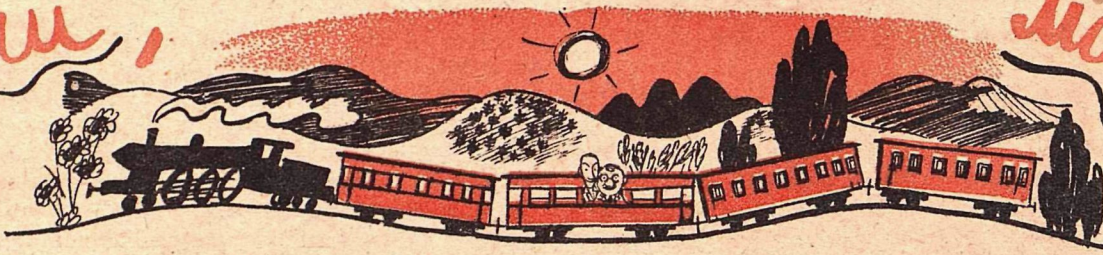
Рис. Н. Радлова

На острове Хортица, где когда-то находилась Запорожская сечь, строится большой курорт.

— Пиши, Грицько: темпов не сдадим и курорт построим на славу.

Рыши!

Магеста!

Их нежная дружба продолжалась семнадцать дней.

Она началась на перегоне Белореченская — Туапсе, когда Корней Васильич Барков открыл окно и царственным жестом выбросил из вагона на лоно природы яичную скорлупу и печальные арбузные останки.

Завершив сей необходимый санитарно-гигиенический акт, он обернулся к Василию Корнейчу — своему соседу по купе — и хлебосольно пригласил его к раскрытому окну. Сделано это было не без умысла. Дело в том, что Корней Васильич буквально допался от обильных сведений по географии, флоре, фауне и быту кавказского побережья Черного моря и после обильного завтрака ему срочно требовался внимательный и дисциплинированный собеседник.

В последовавшем за сим обмене мнений, прошедшем в исключительно сердечной и дружественной обстановке, было к искреннему удовольствию обеих высоких разговаривавших сторон единогласно установлено, что:

а) участок Белореченская — Туапсе действительно один из красивейших на пути из Москвы в Сочи;

б) без пива трудно обойтись в пути, и жаль, что оно теплое; и

в) едут они оба в один и тот же санаторий имени «Безумства храбрых», в чем обе стороны не могли не усмотреть некий перст судьбы, предрекавший им усыпанный розами путь вечной дружбы.

Они поселились в одной палате и неразлучно проводили свои дни. В столовой они сидели за одним столиком. После завтрака, повязав себе головы полотенцами как бедуины, они торжественно заходили в престарелый санаторный автобус и направлялись в Магесту принимать ванны. Конечно, они вместе ходили на пляж и с пляжа. Больше того, они не только играли в одной волейбольной команде, но даже, не скроем, сообща вздыхали тайком по одной и той же местной Мессалине, известной в широких курортных кругах под загадочным, но элегантным именем Бобсинька.

И вот на восемнадцатый день своего безоблачного существования эта достойная всяческой похвалы дружба дала трещину, которая с быстротой и непоправимостью землетрясения превратилась в зияющую пропасть.

В этот день Василий Корнейч вернулся из Магесты веселый как жаворонок и, изнемогая от неги, растянулся сразмаху на койке. Полежав немного, он вдруг залился дробным бабьим смешком.

— Чего смеетесь? — лениво полюбопытствовал Корней Васильич, улыбаясь авансом.

— А это я вспомнил, как вас сегодня дежурная сестра от усердия под ручки подсаживала в машину. Прямо умора. Как тяжелобольного.

— Что ж вы думаете, Василий Корнейч? Я и есть действительно тяжело больной. Как поднимаюсь, понимаю ли, с пляжа поднимаюсь, тоже сердце — тук, тук! тук, тук! Прямо даже страшно делается за семью.

— А ей богу, ничего страшного, Корней Васильич. Это и у меня, как с пляжа поднимаюсь, тоже сердце — тук, тук! тук, тук! А то еще иногда даже вроде зашипит что-то в грудной клетке — пш, пш! пш, пш! Как кофейник.

— Нет уж вы оставьте, Василий Корнейч. Вы — совсем другое дело. Вы и здоровей меня значительно. А у меня одна подагра чего стоит...

— Бросьте, Корней Васильич. Довольно обыкновенная подагра. Такими подаграми хоть пруд пруди. И-э-э-эх, Корней Васильич, это я со своим ревматизмом и неврозом сердца здоровей вашего? Самокритики у вас никакой нет. Вот говорите всегда о самокритике, а у самого вот и на столечко нет ее. Да ведь вы прямо огурчик. Чемпион! Дядя Ваня! А вот я, — добавил горделиво Василий Корнейч, — я, к глубокому моему сожалению, каждую минуту кандидат в покойники.

— Ой, умру, ой, уморил! Ну, как вам не стыдно так смешить больного человека! Какой же вы кандидат?! Человек прямо кровь с молоком, пышет здоровьем! Кандидат в покойники! Да вы, простите меня, скорее на скандал кандидат. Думаете, я не замечаю ваши шашни с Бобсинькой?! Можно сказать, человек с образованием, а бегаёт за каждой юбкой как гимназист...

— Это вы бросьте, гражданин Барков! — взвизгнул на всю палату Василий Корнейч, — слава богу, уже восемнадцать лет как нет гимназистов! Вы бы еще городских вспомнили! Кровь с молоком!! И еще попрошу вас не вмешиваться в мои интимные дела! Сплетник! Сам здоров как бык, вот и кидается на людей.

— Так-с! Я здоров как бык, я сплетник! Так. Вы, милый, спасибо скажите, что я еще не сообщил главврачу, как вы третьего дня вредительски с'ели за обедом две порции сладкого. Да и вообще вы какая-то подозрительная личность. Вот я с вами разговариваю, а вы, может быть, в это самое время лишний или великий князь.

— Сами вы великий князь! Шпана! Хулиган! Скептик! — орал вконец расстроенный Василий Корнейч, посинев от злости. — У меня сейчас от вашего хвастовства разрыв сердца будет. Вам с подагрой хорошо, Вам еще жить и

жить. А мне с ревматизмом и альвилярной пиорреей...

И грянул бой. С невероятным шумом оба недавних приятеля наскakивали друг на друга, потрясая различными справками и удостоверениями. Глядя друг на друга ненавидящими глазами, они предлагали набежавшим из соседних палат отдыхающим быть арбитрами, сказать беспристрастно, невзирая на лица, кто из них больнее — Корней Васильич Барков или Василий Корнейч Лодкин.

Потом Василий Корнейч нервно собрал свои вещи и вынес их из палаты, заявив громогласно, что он скорее будет жить на автотрассе Сочи — Магеста, чем с таким невежественным и наглым субъектом, как гражданин Барков.

На что Корней Васильич из окошка крикнул, что он очень рад.

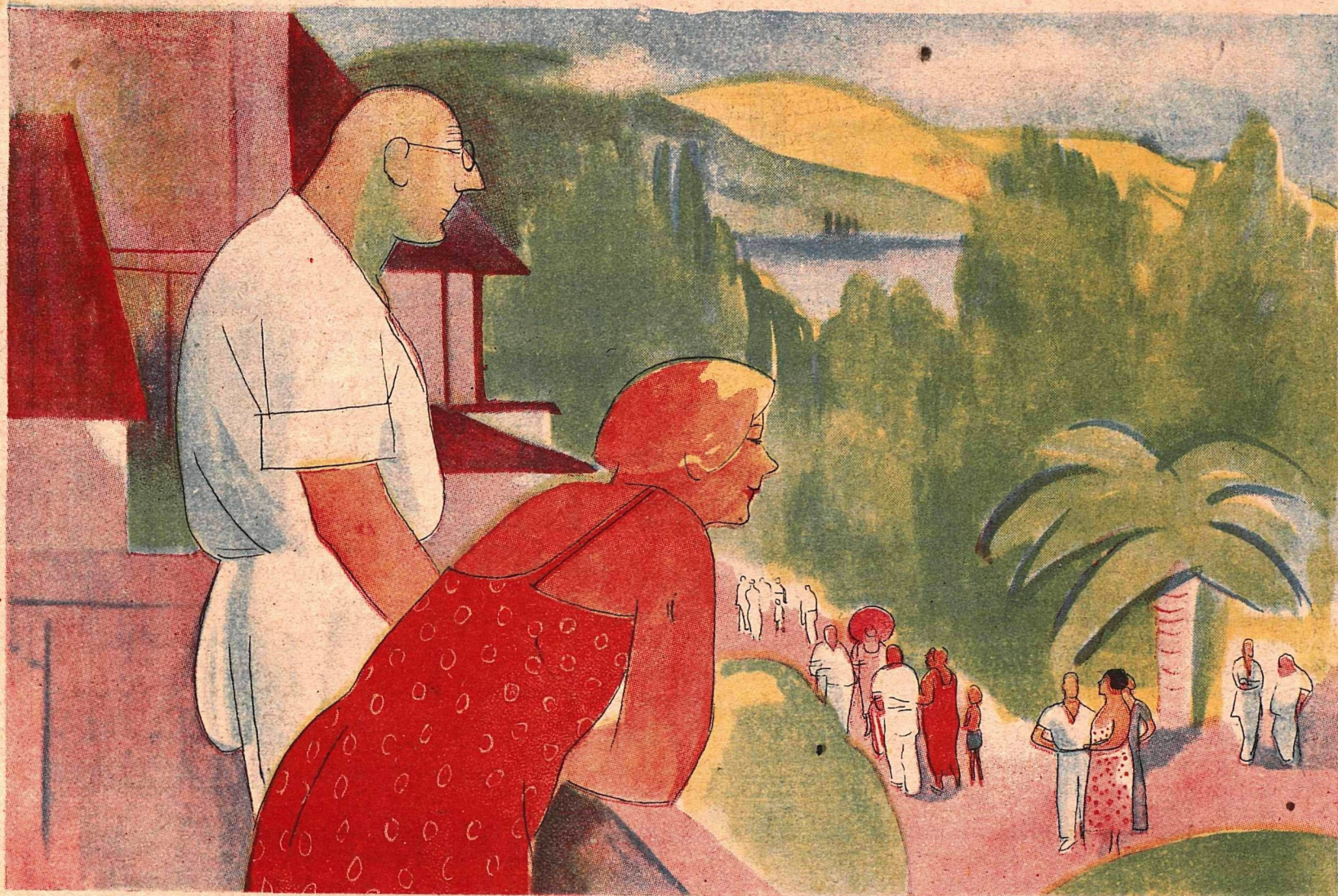
С тех пор Барков и Лодкин стали заклятыми врагами. Их ненависть усугублялась еще тем, что переезд последнего в другую палату не состоялся. По причине переполнения санатория. Чтобы не видеть друг друга, они старались удрать из палаты, как только пробьет утренний гонг, и возвращались, шипя друг на друга как змеи, только поздно вечером, когда уже тушили свет и дежурная сестра, брэнча ключами, запирали входные двери.

Как-то стараясь придти уже тогда, когда будет погашен свет, Корней Васильич перегнул палку: опоздал ко звонку и вынужден был влезть через окно. Наутро торжествующий Василий Корнейч пожаловался врачу, что этот больной в кавычках, гражданин Барков, мешаёт ему спать. Доктор объявил Баркову выговор с предупреждением. Корней Васильич затаил глубоко в душе месть.

В тот же вечер, выследив Василия Корнейча, который в укромном уголке сидел с Бобсинькой на скамеечке и, обняв ее нежный стан, шептал ей на ушко жаркие слова любви, Корней Васильич с компанией молодежи уселся на соседней скамейке. Битых два часа он отравлял существование полулюбленной парочки всякими двусмысленными репликами и замечаниями. Под конец он разошелся и, сатанински улыбаясь, крикнул на весь парк «Руки прочь от Бобсиньки!», чем вызвал бешеное одобрение всех присутствовавших, кроме покрасневшей от стыда Бобсиньки и побелевшего от бессильной злобы ее кавалера. После этого вечера Бобсинька стала явно избегать встреч с Василием Корнейчем и даже, как сообщали из достаточно информированных кругов, вернулась под влиянием этого тяжелого душевного потрясения на похвальную стезю добродетели. К тому же она узнала, что Василий Кор-

НЕОБЪЯСНИМОЕ ЯВЛЕНИЕ

Рис. Л. Бродаты

— Я отдыхаю здесь уже около месяца, а заведующего гостиницей еще ни разу не видел.
— Разве вы с ним не знакомы? Как же вы тогда попали в гостиницу?

неич женат. Эту потрясающую новость ей сообщила одна из нянек, инспирированная на это черное дело, конечно, тем же неутомимым Корнеем Васильичем.

Сладкий момент мести представился Лодкину на следующее же утро. На пляже вокруг Корнея Васильича, как всегда, собрались любители анекдотов. Корней Васильич, нужно отдать ему справедливость, был бесподобен, неутомим и неистощим в этом жанре устного эпоса. И еще не так давно сам Василий Корнейч Лодкин давился вместе с остальными слушателями от смеха, хрюкал как свинья и выл как дикарь на могиле любимого человека. Но то было раньше. Теперь же он не мог их слушать без брезгливости. В самый разгар бесподобного анекдота Лодкин, лежавший несколько поодаль, встал и громко с отвращением воскликнул: «Какая гадость! Как у больного может подняться язык на такой рассказ!»

Анекдот, конечно, завял, слушатели вдруг застеснялись и разбрелись, а Барков остался один, оплеванный в своем высоком искусстве. И, конечно, затаил глубоко в душе мечь.

Наконец наступил очередной вечер самодеятельности. Пели «По долинам и по взгорьям», плясали русскую, «цыганочку». Санаторный погонщик буйво-

лов, в длинной черной рубашке с мириадами пуговиц и в мягких сапогах, проплясал под гром аплодисментов лезгинку. А потом, по установившейся уже традиции, все под руководством культурника хором по слогам вызывали: «Лод-ки-на! Лод-ки-на на сце-ну!»

Лодкин, по также установившейся традиции, поломался несколько, а потом под аплодисменты собравшихся запел «революционный пролетарский романс» собственной переделки. Этот романс начинался словами:

«Я помню день, день гнусного даризма», а заканчивался бодрой уверенностью, что

«И зазвучит «Ин-тер-на-цио-о-нал!»»

Так что с идеологической стороны дело как будто обстояло благополучно. Это не помешало, однако, Корнею Васильичу возмущенно взвизгнуть на весь зал: «Это цыганщина! Я протестую! Чего культурник смотрит?! Мне как честному советскому больному это просто противно слушать!»

И, конечно, выступление Лодкина было безнадежно сорвано.

Четыре раза после этого пытались мирить Корнея Васильича с Василием Корнейчем, но безрезультатно. Они продолжали свои козни вплоть до самого отъезда из санатория.

Проказнице-судьбе было угодно, чтобы несмотря на все принятые ими меры они снова попали в одно и то же купе. Им предстояло провести в тесном соседстве двое суток.

И вот через несколько часов после отъезда из Сочи, на перегоне Туапсе — Белореченская, случилось чудо. Черный как жук и свежий как арбуз Корней Васильич долго крепился, но потом не выдержал и, обратившись к не менее загорелому, свежему как огурчик Лодкину, произнес дрогнувшим голосом:

— Вы меня простите, Василий Корнейч, я был неправ в споре с вами. Конечно, вы не в пример больнее меня. Шуточки сказать: подагра!

Но нужно сказать, что сделано это было не без умысла. Дело в том, что Корней Васильич буквально лопался от обильных сведений по географии, истории, флоре, фауне и быту кавказского побережья Черного моря и теперь, когда он сел в поезд, ему дозарезу требовался внимательный и дисциплинированный собеседник.

Несколько мгновений они растроганно смотрели друг на друга, потом Лодкин, потрясенный великодушием Баркова, прослезился, троекратно облобызался с Корнеем Васильичем, и обе высокие стороны возобновили сердечные дипломатические отношения.

И. БУШУЕВ

БОЕЦ

ОДЫХ

СТЕНГАЗЕТА КОЛЛЕКТИВА ПОЧЕЧНИКОВ И СЕРДЕЧНИКОВ САНАТОРИЯ

«ДОМ ПИЩЕВКУСОВИКА»

НАТРА
ВЫЛАЗКА.

В БОДРУЮ АТМОСФЕРУ ЦЕЛЕБНЫХ ВАНН ПРОНИКЛИ НЕПРОВЕРЕННЫЕ ТОВАРИЩИ. НЕ ДАЛЕЕ КАК ВЧЕРА Т. ЗУБИН-РАКОВ, ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ СВОИМ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ В Г. ЛЕНИНГРАДЕ, ПРОЯВИЛ РВАЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПОД ПАЛЯЩИМ СОЛНЦЕМ ЮГА ПРИНЯЛ ЛИШНЮЮ ВНЕ-ПЛАНОВУЮ ВАННУ. БОЛЬШЕ ТОГО, НАХОДЯСЬ В ВАННЕ Т. ЗУБИН-РАКОВ, НЕ СТЕСНЯЯСЬ ПРИСУТСТВИЕМ В СОСЕДНИХ ВАННАХ Т. ЛЯМПИНОЙ (ИШИАС) И ГР. ГРАМЕЕВА (ПЛОСКОСТУПИЕ), РАЗВЯЗНО ПЕЛ ЧАСТЬ МОТИВА ИЗ ОПЕРЕТТЫ 'КОМПОЗ. ЛЕКОКА КИСКА' РЕЗКО ВСТРЕЧЕННОЙ В СТОЛИЦЕ РУКОВОДЯЩЕЙ ПЕЧАТЬЮ. НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВЫЯСНИТЬ НА МЕСТЕ СВОЕ АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРЕД СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЯТЕРКОЙ ИЗ ДВУХ МАЛЯРИКОВ И КУЛЬТВЫДВИЖЕНЦА-ПОЧЕЧНИКА Т. РУБИМО, ТОВ. ЗУБИН-РАКОВ ОТВЕТИЛ ОТКАЗОМ, ССЫЛАЯСЬ НА НЕПРАВИЛЬНЫЙ ОБМЕН ВЕЩЕСТВ И ПОВЫШЕННУЮ КИСЛОТНОСТЬ. НИКАКОЙ СКИДКИ НА КИСЛОТНОСТЬ! МЫ ДОЛЖНЫ УДАРИТЬ ПО РУКАМ ЗАРВАВШЕГОСЯ ПОЧЕЧНИКА. ЭТО НЕ НАШ ПОЧЕЧНИК! ТАКИМ НЕТ МЕСТА НА СОВЕТСКОМ ЮГЕ.

ВСЕ НА БОРЬБУ
С ЗУБИЖОВЩИКОМ
- РАКОВЩИКОМ!

ЛЕТУЧИЙ МИТИНГ МИАКАРАИТНИКОВ
НА ТЕМУ: "ВЫНЕМ ВРАГА ИЗ ВАННЫ!"
СОСТОИТСЯ ЗАВТРА 27 ИЮЛЯ НА ТЕНИСНОЙ ПЛОЩАДКЕ. В СЛУЧАЕ ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ МИТИНГ ПЕРЕНОСИТСЯ В СТОЛОВУЮ. ВХОД ПО ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫМ БИЛЕТАМ. ПОСЛЕ МИТИНГА - ГРАММПЛАСТИНКИ И МАССОВАЯ ЭКОНОМ-ИГРА "КОШКИ-ИТОЖКИ"

МЫ БЫЛИ

Пожилая дельфиниха с сыном подплыли почти вплотную к берегу.

— Мама, а мама,—спросил сын, поиграв хвостом,—а эти кто будут?

Дельфиниха внимательно осмотрела ближайшую пару на пляже и деловито ответила:

— Больные.

— А почему больные?

— Не приставай. Видишь, у нее ногти крашенные, губы намазанные, брови тоже. Здоровый человек перед пляжем в краске не вываливается.

— А который другой, рядом?

— Тоже больной. Видишь, весь волосатый, как полушубок, ноги кривые, и пальцы вывернуты. Здоровый человек с такими подробностями газетой бы прикрылся и где-нибудь за кабинкой полежал, чтобы дети не видели, а этот в самую гущу лезет и еще ухаживает. Венера!

— А что они делают?

— Потеют.

— Мама, а мама, я тоже хочу потеть.

— Тебе нельзя. Ты — рыба. Отец у тебя не потел, мать не потела, и вообще у нас в семье этого не знали. А им можно. Они люди. У них котлеты потом выходят.

— А как?

— А так. Они сюда худеть приехали, а с утра котлетами нажираются, чтобы до обеда дотерпеть, пока баранину не подадут. Ну, конечно, одна надежда на солнце: может, оно вытопит на песок все меню за сутки.

— А оно выходит?

— Нет. Остается внутри. Тогда они его загаром от чужих людей прикрывают. Снизу — жир, сверху — загар, а в середине — расходы и неприятности.

— А загорать — это больно? — задумчиво спросил дельфиненок.

— Не знаю, не пробовала, — сухо ответила мама, поиграв жабрами. — Мне своя чешуя дороже. А им это нравится. Зараз два дела делают: сердце портят и кожу меняют.

— А зачем им это надо?

— Раз за солнце по путевке заплачено, — хотят его доотказу использовать. У них и в литературе так. Если входит прораб с загаром — значит, вдоску свой. Живой человек на данном участке. А какой-нибудь вузовец побледнее и без веснушек в пятак величиной — или перерожденец, или бывший предводитель дворянства.

Пара, лежавшая на пляже, поднялась.

Он не блондин. Больше того — он прихрамывает.

Он не чавкает за столом, но у него две зеленых пижамы. И желтые ботинки. Почти.

Он читает газеты и занимает чужие ванны.

Да быть может в прошлом он конокрад. Мы этого **НЕ ЗНАЕМ** но он поет в ванной увертюры из оперетт. Он живет в комнате №7, но по утрам пуляет на пляже и пьет нарзан.

Быть может, не одна зарезанная семья плачет о своем насильнике.

Мы этого **НЕ ЗНАЕМ**

Кто же он, проникший в здоровую среду сердечных больных — этот жилец из комнаты №7 с двумя зелеными пижамами и странной фамилией З.-р.?

Кто он? История — ответь! **КИНЖАЛ.**

В К Р Ы М У

— Мама, а мама, а куда они пошли? — тревожно осведомился дельфиненок.

— Не лезь! Куда надо, туда и пошли. Она — в парикмахерскую: завиваться.

— А как это завиваться?

— А так. Садится в кресло, а ей в волосы суют горячее железо. А она сидит, кричит и молчит.

— А зачем?

— Как зачем? Она же отдыхать приехала. В незавитом виде какой же отдых?

— А он куда пошел?

— Коньяк потихоньку жрать.

— А почему потихоньку?

— А не потихоньку он его вечером в ресторане пить будет. Он же отдыхать приехал.

— А до вечера что?

— Она спать будет. Во сне не толстеют. А он наденет зеленые трусики и пойдет в бильярдную.

— А почему зеленые?

— Он эстет. А потом ему выгладят теннисные брюки, и он пойдет смотреть на луну.

— А если луны не будет?

— Ну тогда пиво будет. Крымские пейзажи очень богаты.

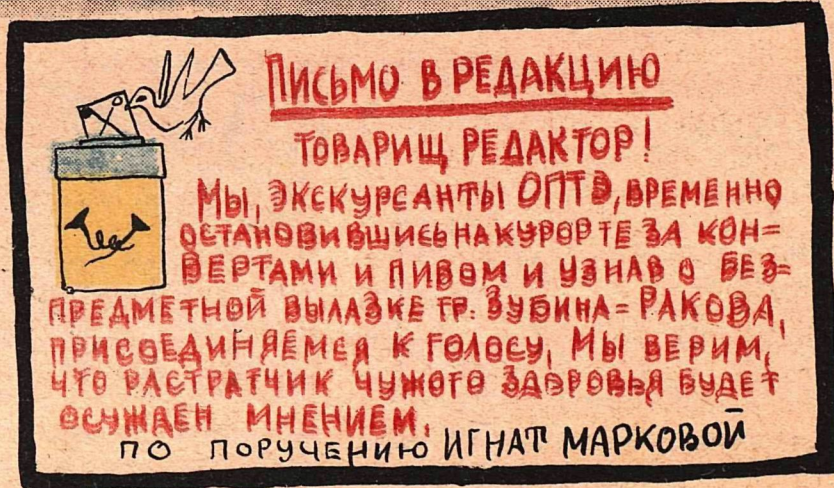
ЭКСПРОМТ на З.-р.

Уж взошла над голами заря
И ветры с моря не дуют.

А некоторые принимают лишние
Ванны зря

И в ус себе уж не **ДУЮТ.**

Марков

— А они вечером встретятся?
— Конечно. Они же отдыхать приехали. Он ее возьмет за локоть и скажет, что она — единственная женщина в трех ближайших санаториях, не считая домов отдыха.

— А она?

— Вымажет ему ухо губной краской и предложит ориентировочно считать это происшествие поцелуем. Потом он закажет ей свиной шницель, чтобы не растолстеть. А себе бифштекс по-гамбургски, чтобы почувствовать окружающую природу. Он — гонкая натура.

— И это все?

— Почти. Плыдем обратно, а то отец беспокоиться будет.

— Плыдем, мамаша.

Они уже отплыли полкилометра, когда дельфиненок вдруг обернулся и грустно спросил:

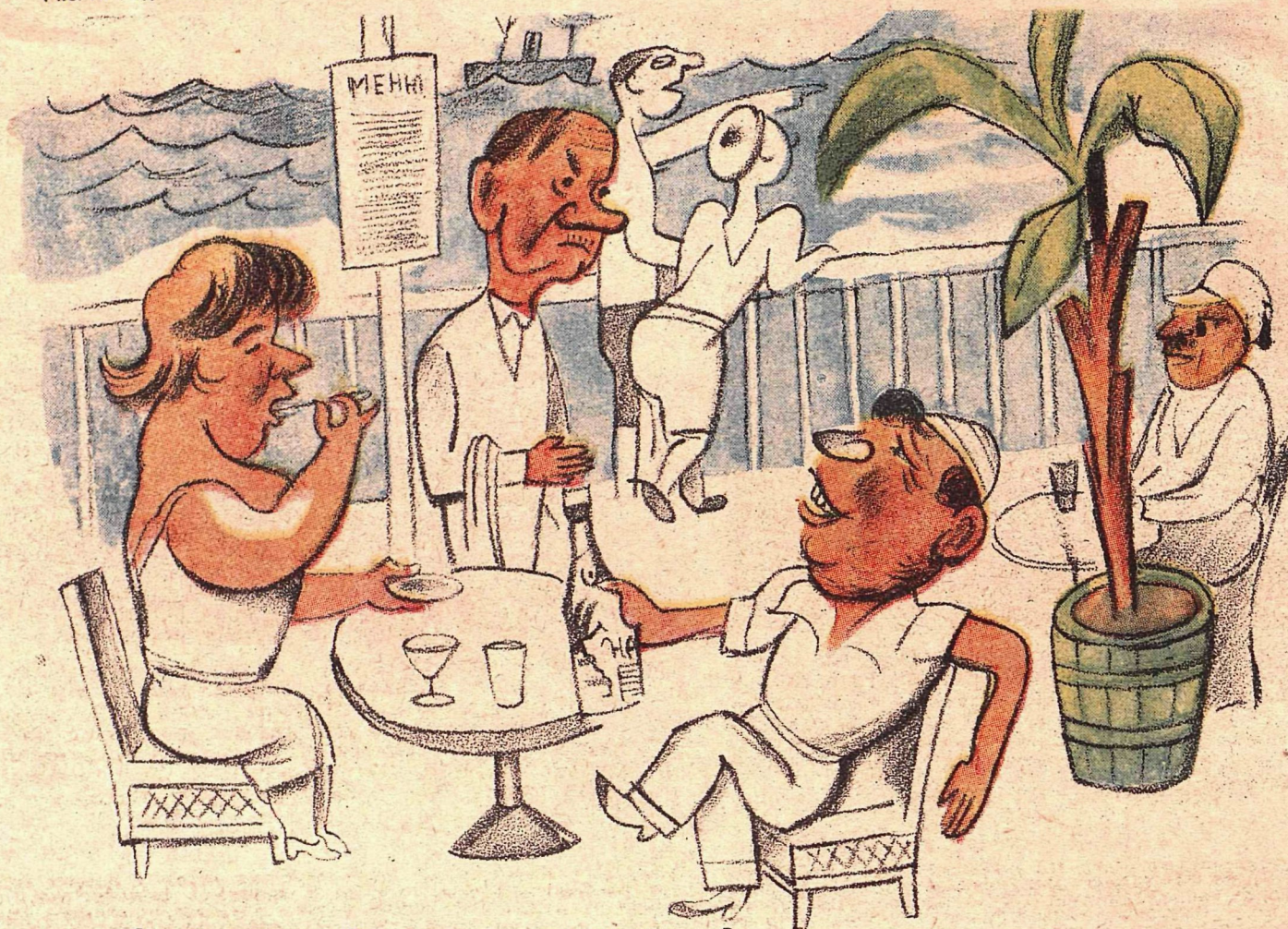
— А зачем они для этого приехали в Крым?

— Люди! — осуждающе вздохнула дельфиниха. — Разве их кто-нибудь поймет?

— Ну, что вы скажете по этому поводу?

— Да ничего особенного. Одной грязевой ванной больше — и все.

- Скажите, пожалуйста, что в эту воду входит?
 — Хлористый калий, хлористый натрий, бромистый натрий, иодистый натрий, магний...
 — И действительно все это в ней есть?
 — Все.
 — Хорошо. Дайте мне тогда стопку водки.

КАКАЯ ВСТРЕЧА!

Предположим, что вы превосходного
 роста,
 Что пропорции ваши античны почти,
 Предположим, ваш слух идеален просто
 И жара-то вам не страшна, и мороз-то,
 И смешно даже самое слово «очки».

Но внезапно прославленных мышц
 апельсины
 Превращаются в чуть загустевший ки-
 сель,
 Вы дрожать начинаете, как осина,
 Вам подмышку термометр тычут на-
 сильно
 И выуживают тридцать девять и семь!

Доктор хмурится. Старая тетка грозит
 вам:
 «Без пальто! Я ж предсказывала
 тебе...»
 Словом, ясно, что вы послужили тран-
 зитом
 Возбудителям всяческим и паразитам,
 И бактериям, и т. д., и т. п.

Как причудливы эти незваные гости,
 Беспардонно явившиеся на постой:
 Вот у этой — бесстыдно виляющий
 хвостик,
 А у этого — форма изящнейшей трости,
 И округлость, приятная глазу, — у той.

Но встречая отпор напряженный и
 страстный
 Ваших шариков белых и мудрых врачей,
 И поняв, что дальнейшая схватка на-
 прасна,
 Они чахнут и гаснут и... Ну, и прекрасно!
 Вы плюете на кашку и просите шей.

Шей пока не дают. Над куриным
 бульоном
 Вы ворчите (за ложкою ложку в рот).
 Вы скандалите с мамой, с котом, с
 почтальоном,
 И решает консилиум определенно:
 «На курорт!»
 И вы двигаете на курорт.

Вашим легким легко. Вашей груди
 раздолье.
 Вы кричите природе: «За дело! Лечи!»
 И природа прекрасно справляется с
 ролью,
 И волна вас снабжает утраченной солью,
 И массируют солнечные лучи.

С вами ваши товарищи по исцеленью.
 С вами тысячи жаждущих сил, как и вы.
 Вы становитесь снова косою саженью,
 Вы в горах проявляете прыткость
 оленью,
 Вы спускаетесь к вечеру в парк и... увя!
 Непредвиденная опасность грозит вам,
 И вы с ужасом видите: в пестрой толпе,
 Напевая «Глаза», «Самовары», «Рози-
 ты»,

Ваши старые недруги — паразиты,
 Возбудители и т. д., и г. п.

Как причудливы эти незваные гости,
 Беспардонно явившиеся на постой:
 Вот у этой — бесстыдно виляющий хвос-
 тик,
 А у этого — голая нимфа на трости,
 И округлость, приятная взгляду, — у
 той.

Соблазнительные молодые мегеры!
 Победительные носки и усы!
 Что им Арктика, труд, красота, страто-
 сфера?

Они крутят любовь по секундомеру,
 А фасону пижам посвящают часы.
 Мы косимся на них. Нам смешны их
 повадки.

Им весьма неблагоприятна среда,
 Но не будем играть с профилактикой
 в прятки:

Побежденных бактерий гнилые остатки
 Еще много способны наделать вреда.

Они снова проникнуть хотят в ваши
 поры,

Они жаждут ослабить ваш отдых и труд,
 Но теперь вы здоровы — и справитесь
 скоро!

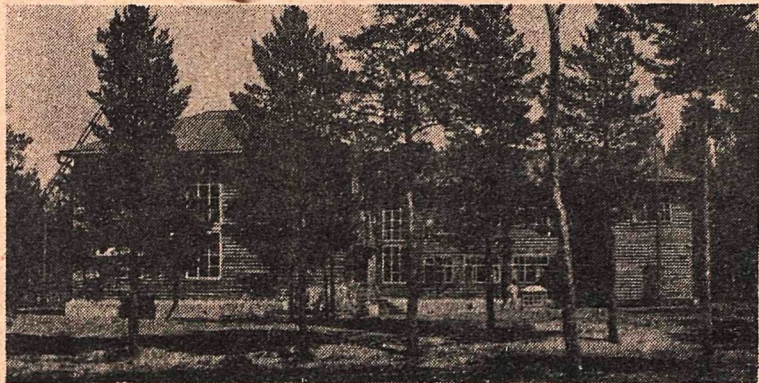
Есть закон: чем вы больше готовы
 к отпору,
 Тем скорей они сами друга друга по-
 жрут.

НИКОЛАЙ АДУЕВ

На суше и на море

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

СРЕДИ ТОЛКОВЫХ

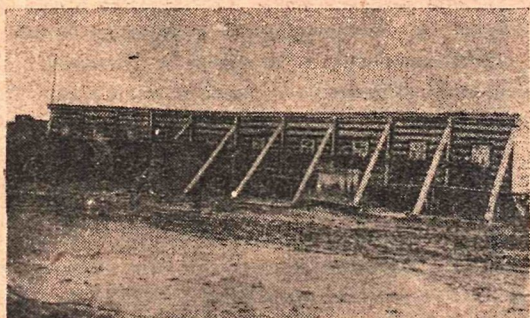
Документальное доказательство того, как может выглядеть местный курорт, когда о нем заботятся. Санаторий на курорте Лебяжье в Западной Сибири. Живи, поправляйся и пожмай сам себе с уважением руку, что не поехал на юг, когда можно отдохнуть тут же на месте. А дорожные впечатления можно организовать тут же в лесу: потерять за ближайшей елью чемодан и попитаться два дня сухими бутербродами.

Пляж Сестрорецкого курорта около Ленинграда. Слева — море, справа — умные ленинградцы, которые решили воспользоваться своим местным курортом. В центре — некто И. П. Дюшин (старший), который вместе с нами находит, что если под боком есть хороший курорт, хорошее море и великолепный пляж, то необязательно трястись в Ялту. Спасибо, И. П. Пусть трясутся другие. Или, скажем, ваять такой превосходный местный курорт, как...

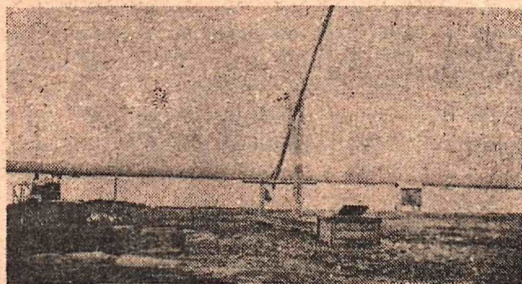
... Впрочем, мы не глды и не обязаны рассказывать читателю о бесспорных достоинствах многих наших местных курортов. Пусть он без нашей помощи посмотрит разбросанные в многочисленных газетах и журналах снимки ряда курортов центральной полосы Украины, Закавказья, Белоруссии или какого-нибудь сибирского уголка с небом, солнцем и хорошим пляжем и буфетом. Или пусть поговорит с людьми, которые и без крытых путевок закалили свой стойкий организм в местных условиях. Наше дело — показать Наркомздраву и периферийным ответственным бойцам за здоровье, в каком виде находятся некоторые из местных курортов и до чего это вообще печально.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК

Макет Дворца культуры и роскоши. Ванное здание местного курорта «Аул» в Восточном Казакстане. Днем служит для принятия ванн бесстрашными курортниками. Ночью жестокие матери пугают этим зданием детей. Туристам показывается как место заточения тридцать седьмой жены хана Батыя.

ПРЕДПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ

Там же. Грязевое озеро «Горчины» и новейшее приспособление для вычерпывания воды из него. Работает абсолютно без пара и электричества и рассеянному обозревателю мягко напоминает о первой половине XVII века. А может быть, и о второй. Спать не будем. Наше дело — показать.

В ИЗБУШКЕ ТОЙ НА КУРЬХ НОЖКАХ

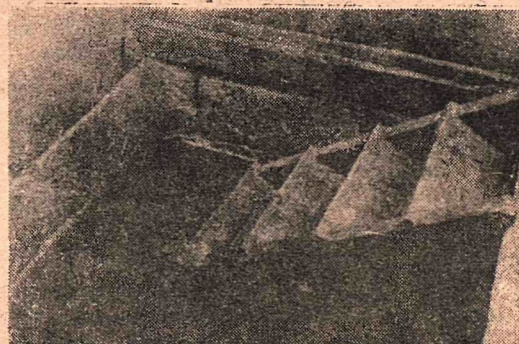
Местный курорт Ямаровка в Восточной Сибири. Ванное здание, или хижина дровосека в небогатом лесу в ненастную погоду. В таких хижинах молодые скандинавские поэты некогда слагали саги о несчастных принцессах и чувствовали себя прекрасно. Советские курортники чувствуют себя хуже. Ничего не поделаешь: не поэты.

НЕ ТРОНЬ ЕЕ — ОНА РАЗБИТА

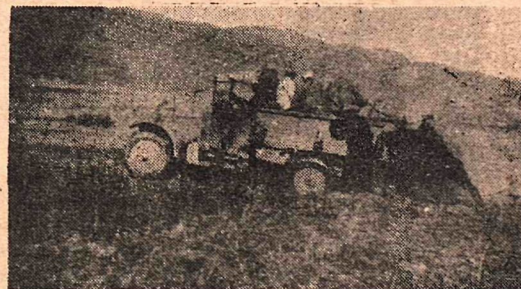
Нападение пешего отряда пугачевцев на помещичий сарай, или больные на курорте Нафтадан (Азербайджан) перед зданием амбулатории. Внутреннего вида такой амбулатории не даем. Страшно.

СТУПЕНИ УЖАСА

Утро в подземелье пирамиды Хеопса, или спуск в бассейн на курорте «Арасан-Копальский» в Казакстане. Больные выадоравливаются сразу же при первом взгляде на такой спуск и в бодрой панике уезжают домой.

ПУТЬ БЕССТРАШНЫХ

Кстати. Больные по пути на упомянутый выше «Арасан-Копальский» курорт. Жанровая сценка: временная остановка для вознесения хвалы природе за свежий воздух и местным властям за неусыпные заботы о дорогах. Грузовик в хвалах не участвует. Он только трещит и ломается.

ПАТЕТИЧЕСКАЯ СОНАТА

Нет, я не могу молчать! Вот обратите внимание: мы все сидим и ждем, когда вернется автобус, а он, этот тип, конечно, поехал первой машиной. Обидно и противно видеть такого обывателя, как Куропяткин, на нашем советском курорте. Это, прямо скажем, прыщ на лице санаторно-курортного дела. Люди работают. Люди ударники. Социализм строят. Горят на работе. А он — хи-хи-хи — он, конечно, тоже ударник, он, извиняюсь, ударник отдыха. Вот скоро двадцатилетие советской власти. Так он, наверное, книжку выпустит автобиографического порядка. Под заголовком: «20 лет на советских курортах». Правда, смешное заглавие? Это я сам выдумал.

Приезжаю я, понимаете ли, в январе отдыхать в «Узкое» (это санаторий ученых под Москвой). Смотрю: Куропяткин здесь. Конечно, с женой. Отдыхают. От чего — неизвестно. Целый месяц вынужден был видеть противные отъевшие лица этой опытно-показательной парочки лодырей. С трудом дождался конца месяца. Мечтал: вот уж в феврале отдохну от их вида.

Приезжаю в феврале в Болшево. Это другой санаторий Комиссии содействия ученым. Смотрю, бац! Куропяткины здесь. Отдыхают! Я прямо закачался от удивления. Как, думаю, они могли получить путевку в санаторий для ученых? Ни он, ни она не ученые; даже, между нами говоря, не шибко уж грамотные. Подлец через «а» пишет: «падец». Это он мне как-то такую записочку прислал, когда я слишком громко возмутился по поводу его непрерывных отдыхов. Просто удивительно! Я ведь на себе испытал, как трудно достать путевку в санаторий КСУ человеку, не занимающемуся научным трудом. Половину своего пребывания в «Узком» пришлось мне потратить на хлопоты путевки. А тут, накося!

И, между прочим, смешно. Мне с женой комнату паршивую, маленькую дали и то после двух дней скандала, а Куропяткиных с самого начала поместили в большой. Конечно, все настроение было испорчено. Какой же это отдых, когда видишь перед собой эти отвратительные хари? Нет, думаю, в средней полосе не отдохнешь. И подался на юг.

Со спокойной душой везжаю в ворота сухумского санатория, и навстречу мне вдруг несется: «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там». Прямо у меня сердце дрогнуло. Защемило у меня сердце, и я говорю жене: «Милочка, мне страшно самому посмотреть. А ну, — говорю, — поднимись в машине, посмотри, кто там поет таким знакомым голосом». Милочка поднимается, смотрит и тут же падает почти что в обмороке: «Гога, — говорит она (она меня Гогой зовет), — он! Куропяткин! Загорелый как чорт Куропяткин. Когда он, подлец, успел загореть? Ведь мы же с ним в один день уезжали из Болшева!»

Сами понимаете, какой уж это был отдых. Каково честно-му труждающемуся, отдающему все свои силы строительству, смотреть, как прожираются народные деньги. А он, Куропяткин, как ни в чем не бывало подбегает ко мне, ахает, сверхестественно приветливым голосом здоровается и, моргая остальным отдыхающим, вежливым таким голосом говорит: «Здрасьте, Георгий Георгиевич! Здрасьте, Людмила Александровна! Очень рад, очень рад! Только что я о вас вот этим вот товарищам рассказывал». А сам — хам — чуть улыбается. И собравшиеся отдыхающие почему-то фыркают в кулаки. Отдых, конечно, в Сухуме прошел у меня неважно. Сами понимаете: и будучи в Москве, трудно выхлопотать себе путевку, а каково проворачивать это дело из Сухума?

Март прошел как в угаре. С одной стороны, чета Куропяткиных, с другой стороны, бюрократическая волокита Курортного управления, неделями не отвечавшего на мои запросы. Да и кроме того, скажу вам, в Сухуме как следует не отдохнешь. А тут еще Людмила Александровна пережарилась на солнце. Температура. Отсутствие аппетита. Осунулась. Нет, думаю, надо поскорее отсюда убирать ноги, и раньше срока выехал в Москву.

Как быть, думаю, чтобы, наконец, по-настоящему укрепить свой организм, поправить нервы, испорченные этими курорт-

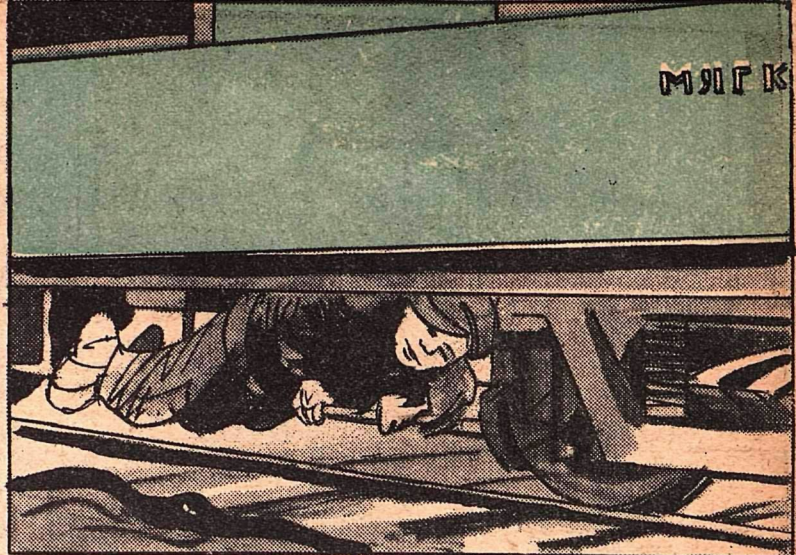

Рис. Л. Бродаты

В 1928 ГОДУ

КАК ВАСЬКА НЕПОМНЯЩИ

ными выродками? Дай, думаю, поеду в Абрамцево. Во-первых, недалеко от Москвы, во-вторых, место прекрасное, в-третьих, окружение писательское. По крайней мере, веселые и культурные люди будут тебя окружать. Помню еще, собрались мы в дом отдыха. Милочка мне говорит: «Хорошо бы, Гога, если бы там Уткин был. Он такой красивый и интересный. Вообще, — говорит, — писательская среда, она как-то дает бодрую зарядку для работы. Вернемся домой крепкие и цветущие. Полные чемоданы книг с автографами писателей».

Устраиваемся, распаковываем вещи, умываемся. Милочка надевает роскошную пижаму. Такая простенькая и в то же время роскошная. Как раз звонок. Идем обедать. И как вы думаете, кого мы первого встретили? Куропяткиншу!

«Ах, ах, — кричит Куропяткинша. — Какая приятная встреча! А мы уже с мужем думаем: чего у нас нет? Обязательно садитесь рядом с нами. Мы как только приехали, сразу забронировали для вас места».

А я, еле сдерживая себя, спрашиваю: «Пardon, сколь мест вы нам любезно забронировали около себя?»

Она ничего, гадина, не подозревает и говорит: «Два места». — «Спасибо, — сказал я, — за труды, но я не могу воспользоваться вашей броней. Нас трое: я, жена и свояченица».

Нужно ли говорить, что настоящего отдыха мы не нашли и в Абрамцево. Не говоря уже о Куропяткиных, которые распространяли о нас всякие пакости, больше всего нас огорчало, что в доме отдыха писателей писателей почти не оказалось. Все какая-то случайная, малокультурная и неинтересная публика. Если бы не преферанс, мы с женой буквально погибли бы от скуки. Преферанс нас спас. Мы устроились довольно уютно в комнате. Пригласили себе двух партнеров поинтеллигентней и играли все время в преферанс — с перерывами на обед. Если бы не преферанс, мои нервы не выдержали бы присутствия Куропяткиных.

Под конец, при прощании, я не выдержал и выложил Куропяткину мою точку зрения на людей, которые числятся где-то какими-то работниками, а целыми годами отдыхают на курортах.

Но, очевидно, такова уже судьба, что суждено мне всю жизнь отдыхать вместе с этой отвратительной парой. В мае я их встретил в Сочи, в июне — в Сестрорецке, в августе — на Алтае, в сентябре, во время бархатного сезона, — в Ялте. Вот теперь октябрь месяц, и они уже отдыхают и захватывают лучшие места в автобусе, в столовой, на крокетной площадке, на волейболе и на пляже здесь, в Гаграх, в санатории «Красный водопад». Я прямо содрогаюсь от мысли, что и в октябре я не гарантирован от встречи с ними на Новом Афоне.

Вы спрашиваете, почему я с ними не встретился в июле? В июле мои нервы не выдержали. Когда я пришел хлопотать о путевках, мне, усталому и измученному человеку, предложили только одну путевку. «К сожалению, — сказали они мне, — мы больше одной не можем вам предоставить. Вы опоздали, — говорят они, — ровно на пять минут. Всего были три путевки, и две из них только что получил гражданин Куропяткин».

Пора, давно пора, дорогие товарищи, присмотреться к этим подозрительным труженикам отдыха! Нельзя молчать!

Л. ЛАГИН

М-ВОДЫ

В 1935 ГОДУ

ЗДИЛ НА КУРОРТ

ВИБРИОН СКУКИ

Больной перед отъездом в Крым был в общем человеком нормальным: любил книги, вникал в искусство, ходил в кино, читал газеты и слушал радио. Он мог популярно рассказать ближайшим родственникам значение пакта четырех, твердо знал, что Толстой лучше Пермитина, умел фуги Баха отличить от блюзов Скомороховского. Словом, наш больной был во всех отношениях человеком приятным и осведомленным. Родственники проводили его лечиться, сожалели о расставании, но с надеждой, что вернется он бодрый духом и сильный телом.

Прошло два месяца. В одно хорошее июньское утро бывший больной действительно вернулся. Родственники увидели краснощекого здоровяка в идиотской шапочке курортного образца и всплеснули руками, восхитившись целебным действием крымского воздуха. Бывший больной обнял жену и поднес ей в подарок брошь с надписью: «Привет из Крыма. Не годы связывают людей, а моменты». Поднося подарок, бывший больной многозначительно крикнул и сказал: «Великая мысль». Потом мечтательно вздохнул: «Люблю Пасынкova, типичный классик».

Изумленные родственники с огорчением констатировали, что исцеленный больной явно поглупел, и решили позвать врача. Врач незамедлительно поставил диагноз: «Кретинизмус курортникус».

Болезнь эта имеет широкое распространение среди людей, побывавших в санаториях и домах отдыха. Чем дольше пробыл больной в санатории, тем больше у него шансов заболеть этой болезнью и тем тяжелей исход. Распространителем ее является обычно молодой человек без определенной профессии, имеющийся в каждом санатории. Этот молодой человек по утрам извещает зычным голосом, что фотографии готовы. Он же размножает под копирку малограмотные объявления, что «сегодня состоится экскурсия в Воронцовский музей под гармонию и массовое пение песен». Он же привозит из Ялты кинокартины десятилетней давности, дырявые как решето, и в качестве последней новинки — кинохронику за 1932 год.

Он выдает из шкафа, полного пыли, растрепанные книжонки и гордо именуется свой шкаф санаторной библиотекой. В этой библиотеке наиболее обильно представлены Мельников-Печерский и Голенищев-Кутузов; Пушкина, Гоголя, равно как и Шолохова, там не держат. Он раздает больным домино с тем, чтобы больные играли с утра до ночи и не приставали бы к нему с жалобами на пустоту санаторной жизни. Он стережет вечно немое радио, поясняя интересующимся, что радио умолкло навсегда «благодаря отсутствию в Ялте дефицитных материалов». Он раздает больным газеты, — одну на десять человек, — и с увлечением наблюдает, как больные переругиваются друг с другом из-за газетных страниц. Он организует «вечера патефонной музыки» и открывает тоскливый санаторный бал под мотив популярной песенки о Маше, которая неизвестно чем занималась

у самовара. Словом, как уже легко можно догадаться, этот молодой человек — культурник.

Утро. Бодрый молодой человек влечет больных на экскурсионное закланье. Прежстоит длинный путь по жаре к Ласточкину гнезду. Все настроены мрачно, один культурник весел как птичка и щебечет безумолку:

— Этот дворец построен при проклятом царском строе, — повествует он, показывая на невысокий дом, спрятавшийся в зеленой пуще, — тысячи крепостных изнемогали здесь под бичами кровожадных эксплуататоров...

— Угу, — отвечают больные, — кваску бы.

— А вот Ай-Петри, — продолжает культурник. — При проклятом царском строе там в беседке пили чай кровожадные эксплуататоры. Тысячи крепостных...

— Пивца бы, — бормочут больные.

— А вот море, — шпарит культурник. — Здесь при проклятом царском строе в безумно роскошных яхтах плавали кровожадные эксплуататоры, в то время как тысячи крепостных...

— Домой бы!.. — вздыхают больные.

Полдень. Предобеденный час. В красном уголке кто-то играет на расстроенном рояле и поет романс. Все было бы хорошо, но как раз в это время культурник возвращается с экскурсией.

Заслышав пение, он стремительно сворачивает в красный уголок. Через минуту оттуда доносится его зычный голос:

— Товарищи, петь можно только в организованном порядке, выполняя программу вечера самодеятельности. Опять же, неорганизованно играя на рояле, вы ломаете график развлечений...

Вечер. Больные, отужинав, бродят как сонные мухи. В красном уголке культурник организовал «забавную викторину» и изоощряется в игре ума перед немногочисленными слушателями.

— Какой город лежит на сухой траве? — вопрошает культурник, загадочно улыбаясь.

Больные молчат.

— Ну, думайте же, товарищи!

Товарищи думают, но безрезультатно.

— Париж, — радостно восклицает культурник и смеется деревянным смехом. — Париж на Сене.

Больные вздыхают безнадежно.

...Итак, когда вы увидите в санатории культурника, восклицаящего нечто якобы увеселительное, бегите от него прочь, — это вибрион санаторной скуки и одичания.

К культурнику присоединяются еще и другие опасные носители пошлости — производители и продавцы «курортных» открыток, брошек, брелоков и прочих курортных сувениров; банды бродячих фотографов, предлагающих снять отдыхающего в одежде, без одежды, в виде русалки, фавна, лешего и всячески; безграмотные гиды и проводники, засаривающие головы отдыхающих всевозможным псевдоисторическим бредом.

А больному нужно, в конце концов, так немного: свежую газету, хорошую книгу, занятую игру, концерт без халтуры, внятную радиопередачу.

Право же, не так уж много.

Н. КРЭН

ПРИВЕРЕДЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Внизу, под откосом, важно шумело большое темносинее море. На горе, где стоял белый дом санатория, росли сосны, и когда бриз, летевший от турецких берегов, принимался раскачивать их высокие вершины, они гудели глухо и низко, словно аккомпанировали морю.

Кругом было столько красот, что пожилые инженерно-технические девушки, теряя в закатные часы последние остатки душевного равновесия, не говорили даже, а какими-то ненатуральными тонкими голосами блеяли:

— Какой простор!

— Какая красота!

— Это просится на полотно!

Вот сюда-то и приезжал ежегодно отдыхать Юрий Кубасов, молодой инженер — коротко острижен, смеющиеся глаза, не расстаётся с томиком Пушкина.

В санатории «Цветок» его знали все: от повара Никанорыча до заведующего — товарища Питонова. Объяснялось это тем, что Юрий Кубасов любил заглянуть и на кухню, где самодержавно царил Никанорыч («Опять котлеты? Побойся бога, Никанорыч!» — «Бог конче отмененный, товарищ инженер»), и поговорить после вечернего чая с Питоновым и завхозом Поддубным. «Природа вам отпустила, товарищи, столько добра, что обидно становится, когда видишь, как плохо вы это добро используете. Почему, например, у вас на горе нет солярия?» — «На чорта вам солярий, товарищ Кубасов. Идите себе на бережок и жарьтесь сколько влезет».

Проходил год. Начиная курортный сезон, и снова под соснами санатория «Цветок» ахали и умилялись восторженные девушки. На кухне попрежнему орудовал Никанорыч, а Питонов и Поддубный, любясь новеньким солярием с песочными часами на каждом топчане, тихо гордились делом рук своих.

Приезжал Кубасов — такой же веселый, энергичный, смешливый.

Через неделю завхоз Поддубный уже жаловался Питонову:

— Опять этот, из шестой палаты, придирается. Лежит вчера в солярии, голый гад, увидел меня и вместо благодарности, представьте, давай меня же шпынять. Почему теннисной площадки нет, почему байдарок нет, почему концертов не устраиваем!

Питонов пожимал плечами, негодуя.

— Не понимаю, что ему еще нужно! Не далее, как в прошлом году он сам же визжал насчет солярия. Сделали ему солярий — на, жри! Нет, опять недоволен!

Пролетел еще один год. Жизнь в стране становилась обильней и богаче. То и дело газеты в отделе научно-популярной хроники сообщали про юных матерей, рожавших разом троих, а то и четверых вполне здоровых близнецов.

В санатории «Цветок» тоже произошли некоторые изменения. Рядом с белым домом появилась хорошая теннисная площадка. У мостков, убежавших далеко в море, тихо покачивались на зыби пять байдарок. По вечерам в красном уголке брэнчало пианино, и какой-то мужчина, в сетке и в тапочках, с серьезным и суровым лицом, кричал с порога милитарским басом:

— Давай заходить, граждане! Сейчас начнем концерт самодеятельности. Вы куда это нацелились, гражданин с дамочкой? Не читали разве объявления?

Как-то после сытного завтрака (эра котлет давно миновала, и Никанорыч блистал разнообразием вкусных блюд) завхоз Поддубного остановил Юрий Кубасов. Во внешности инженера тоже произошли кое-какие изменения: на его белой сорочке скромно алел орден.

— Где вы выкопали такого идиота, как ваш культурник? — весело сказал Юрий Кубасов. — Вчера он нас водил на экскурсию в бывший дворец графа Кипарисова. Показывает в столовой на старинную «Мадонну» и говорит: «Это так себе картинка, женщина с ребенком». Токарь из седьмой палаты его попраждает: «Это «Мадонна», товарищ Буеракин, а не так себе». А он посмо-

трел на токаря и головой кивает: «Вот, вот, Мадонна — ихнее фамилие».

— Так, может, действительно Мадонна ее фамилия! — примиряюще сказал Поддубный.

Юрий Кубасов махнул рукой и захотел.

Тогда Поддубный обиделся:

— Очень вы уж придиричивый, Юрий Николаевич. За вами не угонишься. В прошлом году сказали про теннис — вот он теннис. Байдарки вам нужны — пожалуйста, купил пять штук. Концертов вам хотелось — наняли Буеракина. Я ему двести целковых плюс питание плачу, а вы все недовольны.

— Голубчик, я ведь не виноват, что ваш Буеракин — ископаемый идиот. Да, я хочу после ужина послушать хороших, настоящих артистов, а меня ваш Буеракин кормит «казачком» в исполнении счетовода из восьмой палаты.

Поддубный разыскал заведующего «Цветком» на берегу. Товарищ Питонов сидел на корточках и бросал камешки в море.

— Опять Кубасов придирается, Александр Петрович. Теперь ему Буеракин не нравится. Картину какую-то не той фамилией назвал. Ну, я его отпел, все высказал. Не посмотрел на его орден.

— Привередливый человек! — вздохнул Питонов и, размахнувшись, бросил плоский горячий камешек. Камешек поскакал по морю вприпрыжку, словно мальчик на одной ноге.

Прошел месяц. Привередливый Кубасов уехал, и Поддубный с Питоновым свободно вздохнули. Но еще через несколько дней завхоз пришел к Питонову, снова расстроенный и мрачный.

— Сегодня из первой палаты студент один придирился. Скучно, говорит, у вас. Буеракина ругал. Я ему сказал: «Если хотите развлекаться, поезжайте в Монте-Карло», а он меня обозвал... этим самым... дураком.

— Кубасовская работа! — желчно сказал Питонов. — Его когти! Это какой студент? Брюнет? Высокий? Который с Кубасовым всюду шляется?

— Да нет, Александр Петрович, он только третьего дня приехал.

Питонов нервно закашлялся и ничего не ответил.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ПОДВИЖНАЯ СИСТЕМА

Рис. Л. Сойфертиса

- Меня в санатории полтора десятка врачей осматривали.
- Неужели вы так серьезно хворали?
- Нет, просто за один месяц пятнадцать врачей сменилось.

ЧТО ЕСТЬ ВАННА?

— Одевайтесь, — сказал врач и, пока Кошконосос поднятными над головой руками ворошил рубашку, он продолжал: — Значит, так: для начала мы с вами попробуем десять нарзанных ванн. Процедура сестра даст вам галончик, вы, значит, захватите с собой все, что нужно, и завтра — с богом на первую ванну...

Кошконосос, найдя головой отверстие ворот, вынырнул оттуда и солидно отозвался:

— Ну что ж. Все захватим и пойдем. Тоже купались иногда на своем веку...

— Вот и отлично. Попросите ко мне следующего товарища, — и врач наклонился над рукомойником.

Назавтра в 6 часов вечера Кошконосос вошел в светлую кабину нового здания кисловодских ванн.

Миловидная санитарка наполнила ванну нарзаном пополам с водой, проверила температуру этой смеси и ушла.

Кошконосос вдумчиво разделся и аккуратно разместил платье и башмаки. Затем развернул сверток, обернутый газетной бумагой; извлеченную оттуда простыню повесил на крюк вешалки, а мочалку и мыло взял в руку. Подошел к ванне, лихо крикнул и сел в пускающие мелкие пузырьки жидкость.

Удобно упершись ногами в стенку ванны, Кошконосос хихикнул от удовольствия и придал лицу растроганное выражение человека, которому легонько щекочут пятки.

— Ну, и пузырьки, — пробормотал он, — ишь, как стараются. Будто понимают, чего от них требует медицинская часть!..

Просидев в полном спокойствии минут пять, Кошконосос энергичным движением лицевых мускулов заменил нежную ужимку чисто деловой миной. Он сам на себя прикрикнул:

— Пора, пора и лечиться! Поблаженствовал — и будет.

С этими словами Кошконосос принялся тереть мыло о мочалку и в короткое время покрыл густыми хлопьями пены шею, затылок, плечи и горс.

Когда мыло подбиралось уже к самым глазам Кошконососа, в кабину вошла санитарка. Глянув на Кошконососа, она крикнула:

— Гражданин, что вы делаете?

— Беру ванну, — вразумительно ответил Кошконосос, локтями отводя от глаз угрожающую им пену. — Приобщаюсь, так сказать, и к медицине и к гигиене. Может, потрете спинку, а?

— Какую такую спинку? — завопила санитарка. — Вы что думаете — наши ванны для мытья?

— А для чего же? — добродушно спросил Кошконосос, он зажмурился и, ощерясь от этого, шарил руками в воде, ища выскользнувшее мыло. — И куда оно подевалось, проклятое?.. Главное, глаз не могу открыть: щиплет...

Санитарка сердито хлопнула дверь,

и через три минуты дежурный врач убеждал полуодетого Кошконососа:

— Поймите, после вас еще люди будут сидеть в этой же ванне! Да и вредно это: в нарзане нельзя делать лишних движений.

Кошконосос саркастически улыбнулся:

— По-вашему выходит, купаться надо без мыла? Не знаете вы, что есть ванна! А еще врач, за чистотой следить должен...

— Да ведь какая это ванна?

— Какая ни есть. Раз ванна — значит, мойся. Раз мойся — значит, с мылом...

— Ну, словом, гражданин, имейте в виду, что у нас это строго запрещено. Если повторится, отберем курортную книжку.

Кошконосос полуиронически, полупечально улыбнулся. Это означало; бессмысленно продолжать спор, когда твой противник порет явную чушь.

Через день, когда Кошконосос ждал своего времени у дверей назначенной ему кабины, мимо прошла давешняя санитарка. Она внимательно поглядела на Кошконососа и прошептала что-то на ухо своей товарке, работающей в данной кабине. Та тоже пылливо посмотрела на Кошконососа в лицо.

Затем Кошконосос, как и прежний раз, разделся и сел в ванну с мылом в руках. Намыливая шею, он бормотал:

— Умора, ей богу, тот раз... Врач, а сам не знает, что есть ванна!..

— Вы что же, гражданин, опять? — сказала вдруг появившаяся в дверях санитарка.

— Угу. Я еще восемь раз буду. Сколько прописали. Я уж и мочалочек припас...

На этот раз дежурил другой врач, и потому разговор почти повторился.

— Не буду я ходить грязным из-за ваших капризов! — кричал Кошконосос. — Арестовывайте меня, а я чистоту все-таки буду уважать!

— Это уж он второй раз, — науськивали врача обе санитарки: и сегодняшняя и третьегонящая.

Врач вразумлял:

— Мы не можем пойти на то, чтобы в наших ваннах мылись!

— Вы мне скажите, что есть ванна? — стучал по столу Кошконосос. — Да я, может, в Москве из-за перегруженности моюсь в два месяца раз, так вы меня хотите и на отдыхе чистотности лишиться?! Не удастся! Я к прокурору пойду!..

Но когда сторону администрации принял и врач санатория, Кошконосос сдался. Третий раз он пришел на ванну со скучным лицом. Демонстративно при санитарке развернул простыню, чтобы показать, что в свертке кроме нее ничего не было, и, обиженно отвернувшись, плюхнулся в нарзан.

Рис. А. Толикова

КИНОКОНТОРСКИЙ ПОДХОД

— Опять требуют картину для курорта. Послать им «Рваные паруса», что ли?

— Вы с ума сошли: для курорта они еще не достаточно рваные.

Так, с обидой, застывшей в уголках губ и в зрачках, Кошконосос просидел минуты две. Затем глубокое страдание исказило его физиономию.

Кошконосос со стоном вылез из ванны, подошел к платью, мокрыми руками начал ворошить жилет и извлек из его кармашка обмылок. Воровато оглядываясь, вернулся в ванну. В опытных ладонях Кошконососа обмылочек сразу стал выделять пену.

— Не знают они, что есть... — начал было Кошконосос, но в этот момент скрипнула открываемая дверь.

Кошконосос молниеносно сунул под мышку обмылок, крепко прижал к бокам локти, а ладони опустил в воду.

Вошла санитарка. Она осмотрела все и сказала:

— Ну, как больной, больше мыться не думаете?

— Как видите, — сухо отозвался Кошконосос. При этом он повернул лицо к своему платью и хитро подмигнул жилету, брошенному поверх остальных частей костюма.

Снова скрипнула дверь: санитарка ушла. Кошконосос двумя пальцами извлек из подмышки обмылок. Быстро стал растирать его меж ладоней. Хихикнул самодовольным смешком хитреца и сказал:

— Слава богу, я-то уж знаю, что есть ванна... Меня им не запутать!..

В. АРДОВ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

РЕМНЕМ И МЯЧОМ

У индейцев племени Сиу была излюбленная игра под названием «Волчья смерть». Игроки садились на высокие деревья и сталкивали друг друга вниз. Кто сохранял при этом в целостности руки и ноги, считался выигравшим.

В касимовском доме отдыха водников изобретательный физкультурник-массовик Носкевич ввел несколько развлечений с явным индейским привкусом.

Во время пропагандируемой им, в качестве легкого развлечения, игры в жгуты отдыхающие продуманно и активно бьют друг друга ремнями, а прелесть другой игры заключается в том, что одному из игроков надевают на голову мешок, а другие в это время бьют его по спине мячом.

Неизвестно, часто ли и в какой мере при этом бьют ремнем и мячом самого физкультурника-массовика. Если часто и больно, — нельзя не сознаться, что, в конце концов, и такие игры должны на отдельных участках принести некоторую пользу.

ПОГОВОРИ ЖЕ С НИМИ ТЫ, ГИТАРА БЕССТРУННАЯ!

Конечно, можно поправиться и выздороветь и без музыкального инструмента. Но отдыхать и лечиться с ним все-таки гораздо приятнее. Особенно на курорте.

В Эссентуках думают несколько иначе. Музыкальные инструменты обнаружены только в одном санатории. При ближайшем рассмотрении они оказались двумя гитарами без струн.

Если поинтересоваться как следует, можно выяснить, и отчетливо лопнули струны на гитарах. Наверное, от нетерпения, когда же прекратится антимузикальная кампания в Эссентуках.

ОТДЫХ КАК НАКАЗАНИЕ

Председатель порашльского рабочкома Чувашской лесозаготовительной конторы Шарапов вызвал к себе бригадира Галахова:

— Собирайся... В дом отдыха поедешь!

— Какой дом отдыха? Я ведь только что из отпуска.

— Точка... Вот путевка. И ка- тись!..

Другой взял бы путевку и поблагодарил. А Галахов решил не ехать. И не поехал.

Шарапов наказал упрямого:

Бригадира Галахова Н. Г. за отказ от путевки и задержки ее на сутки, стоимость путевки — Р. 250 — удержать, а самого с работы снять без выдачи каких-либо справок о его работе на участке.

Предрабочкома ШАРАПОВ.

А жаль, что т. Галахов не получит справки. Мы для нее могли бы предложить и готовый текст:

«Уволен по глупости ближайшего начальства».

АТТРАКЦИОНЗАВТРАК

К разряду замысловатых игр, развлекающих больных и способствующих изопрению ума, необходимо отнести, конечно, процесс поедания яиц в евпаторийском санатории им. Семашко.

Оказывается, что когда за стол садится по четыре человека и каждому подается по паре яиц, то есть их приходится всем четверым при помощи одной ложечки. Больше на четверых не полагается.

Завтрак идет, очевидно, в порядке живой очереди. Первый больной сдает белок, передает ложечку другому для выковыривания желтка, третий молниеносно пользуется ложечкой для разбивания скорлупы, а четвертый грустно смотрит на остывшее яйцо всмятку и с мелкой завистью ест соль и перец.

Так и простой легкий завтрак при помощи недорогой бесхозяйственности можно превратить в увлекательное и радостное зрелище.

1/2 — БАЯНИСТА — 1/2

Несколько своеобразно и не без оригинальности поставлена работа по культобслуживанию в Мардакянском доме отдыха Азербайджанского профсовета.

Оказывается, что в качестве единственного вида культурного развлечения там подвизается местный баянист. Да и то не целиком и полностью, как это говорится, а пополам с соседним рестораном.

Когда у баяниста проснется общественная жилка, он слегка поиграет в доме отдыха. Когда перед ним ребром станут вопросы производства, он бежит в ресторан, чтобы популярными мотивами помочь спросу на водку и закуску.

Пораженные такой постановкой культобслуживания отдыхающие с большим подъемом пьют и играют в карты.

— А что же делает администрация? — наивно спросит заинтересованный читатель.

Очевидно, то же самое. В трезвом состоянии вряд ли можно допустить такое безобразие.

ГРУЗОНОСИТЕЛИ

Для того чтобы отдыхающему попасть в дом отдыха «Юрино» (Горьковский край), ему зачастую приходится несколько километров идти пешком и нести на себе весь багаж.

Когда после такого пути у отдыхающего спрашивают, кто он: сердечный или почечный, больной отвечает скромно, но уверенно:

— Нет. Вычный.

СТАРОСТЫ-ТЕРАПЕВТЫ

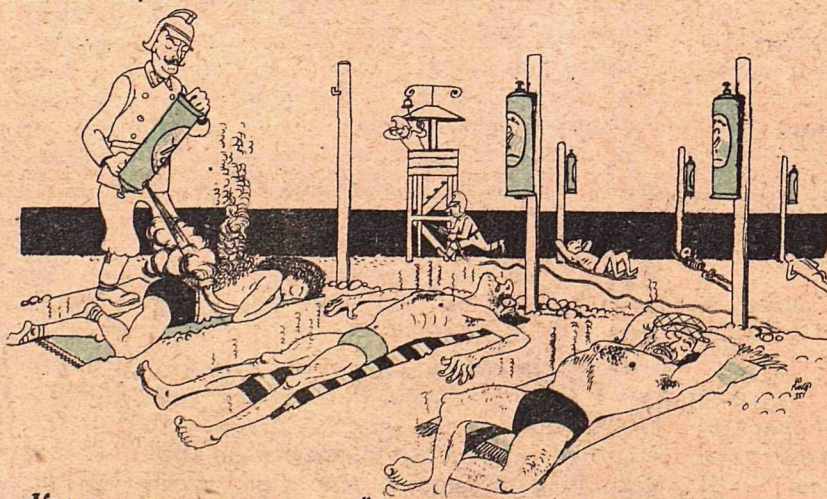
Редкий пример пирочайшей демократии наблюдается на уральском курорте «Ключи». Выборное начало там практически и эффективно заменило врачебную помощь.

По предложению администрации, каждая палата обязана выбрать старосту. Староста следит за больными, чтобы они бесперебойно выздоравливали. Прорывов быть не должно. В случае невыполнения больными своих обязанностей староста получает выговор.

Единственное утешение для больных, что они всегда могут переменить старосту. Жаль только, что они не могут заодно переменить и администрацию курорта. А те, кто ее поставил во главе курорта, над этим вопросом, повидимому, еще не подумали.

ИДЕАЛЬНЫЙ ПЛЯЖ

Рис. Ю. Ганфа

Комплект огнетушителей для комплекта загорающих.

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОЙ ЛОШАДИ

В Алуште (Крым) единственная общественная уборная построена, надо прямо сказать, не по последнему слову техники и архитектуры. Так недавно одна неосторожная гражданка К. в самую неподходящую минуту провалилась вниз. Для извлечения ее потребовалось вмешательство милиции.

Алуштинская общественность осталась равнодушной к событию. Особенно после того, как некоторые из старожилы эпически заявили:

— Это что! Дамочку все-таки вытащили. А в прошлом году в этой же яме лошадь утонула.

Курортная администрация тоже сохранила твердое мужество и полное спокойствие духа. Память погибшей лошади почтили, дамочку вытащили — какого же еще большего благоустройства можно желать?

НАГРУЗКА НА НОГИ

В Коктебеле кооперация победила медицину. Зачем людям науки сидеть и выдумывать различные сложные средства для похудения, когда незамысловатое коктейльское сельпо сразу поставило все точки над и?

Так, если коктейльскому курортнику нужны спички, напирасы или гребенка, ему приходится из центра курорта шагать не меньше километра до ближайшего ларька сельпо. А так как очень редкие курортники живут натуральным хозяйством и производят сами для себя все предметы ширпотреба, то побывать километры им приходится по 3 по 4 раза в день.

— Ну, и прекрасно, — скажет легкомысленный читатель, — вот и оставят весь жир на курорте.

— А ноги? — осторожно спросим мы. — Зачем же оставлять на курорте и эту столь необходимую в быту пару конечностей? Ведь большинству населения они нужны и на зиму.

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

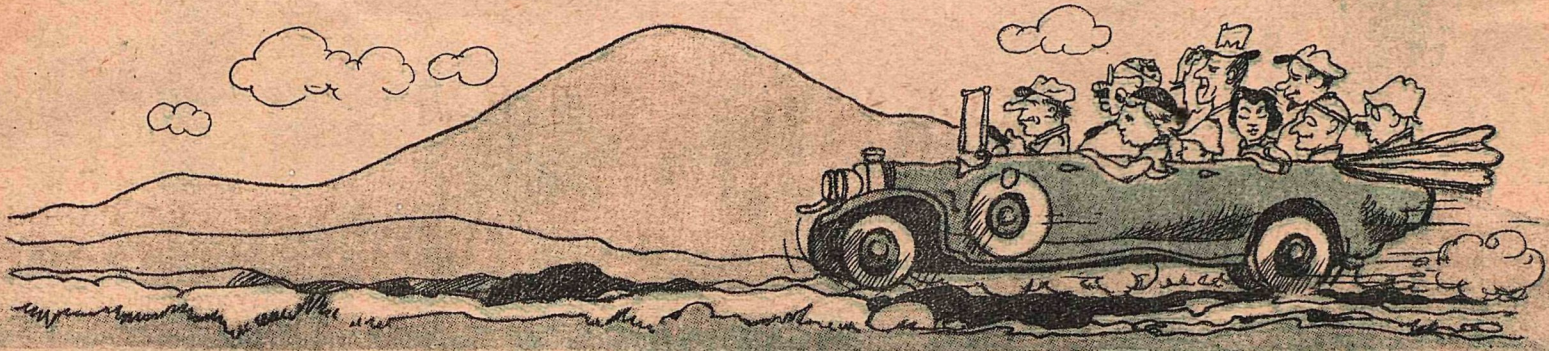
ВЫШЛА
ИЗ ПЕЧАТИ

КНИЖКА
М. ЗОЩЕНКО

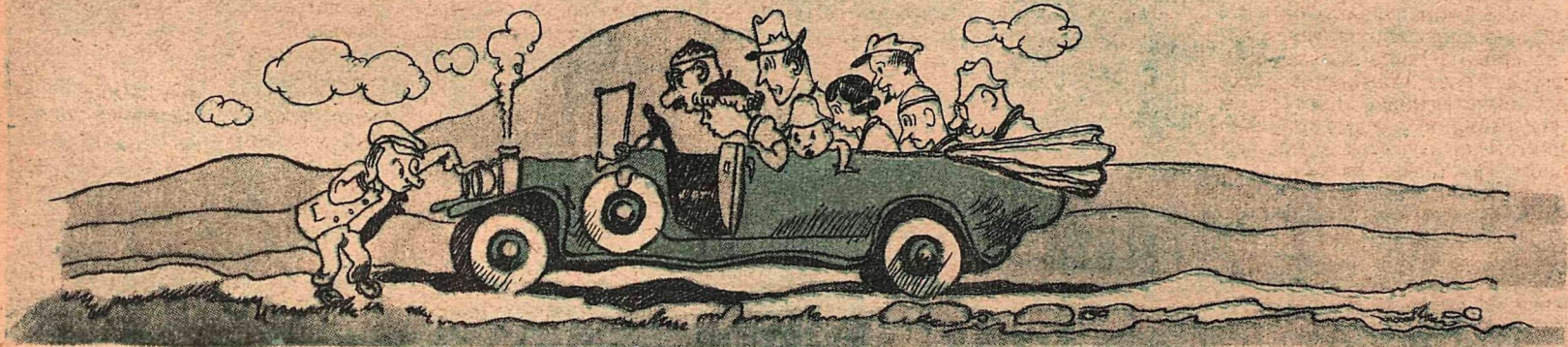
ЗАБАВНОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ

РОЖДЕНИЕ КУРОРТА

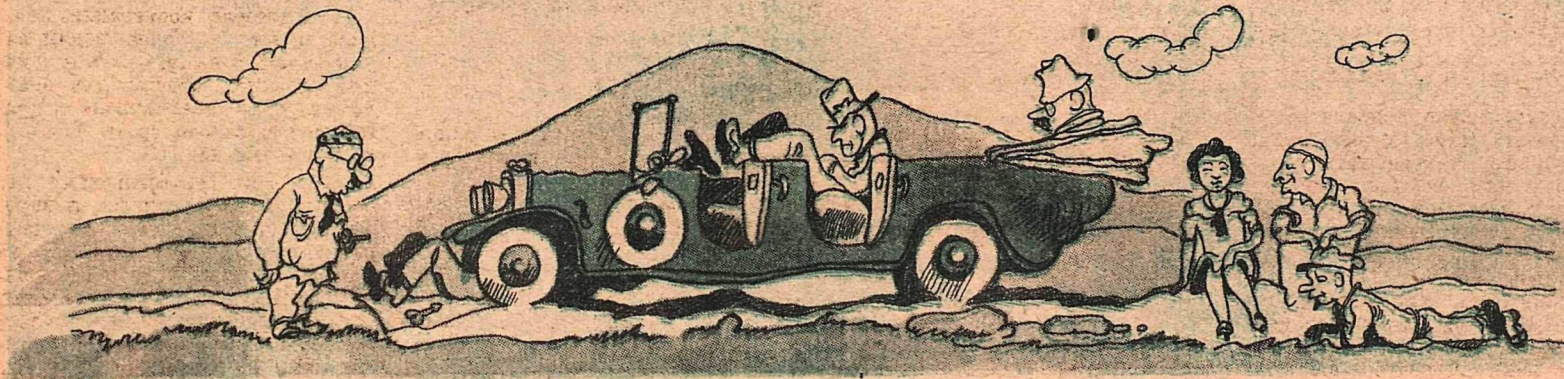
Рис. М. Храпковского

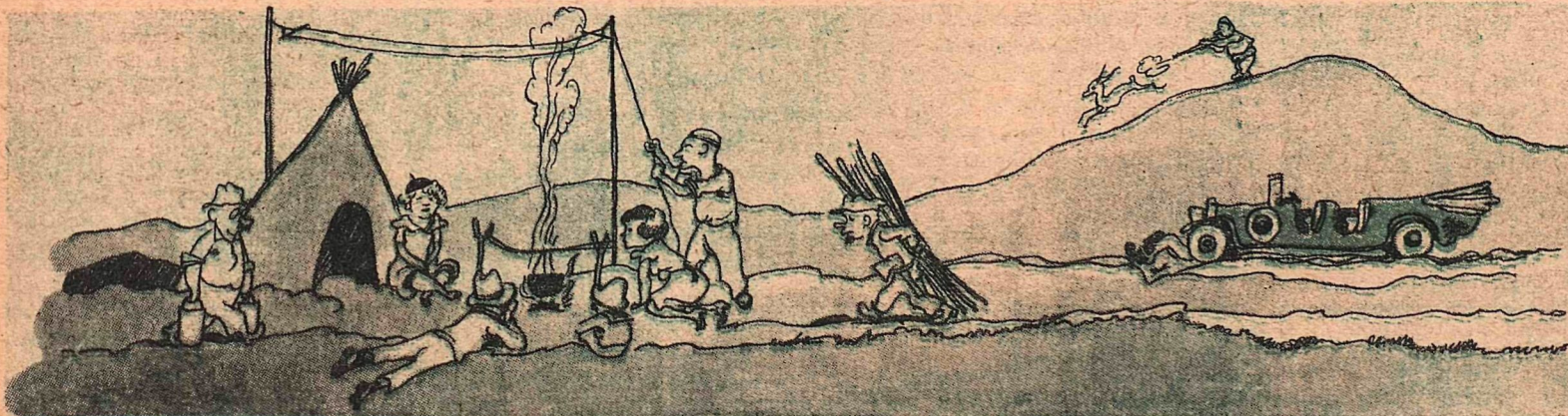
Мы вообще — за транспорт. Пешком ходить неинтересно. Пыль, солище сбоку, птицы на дороге скачут. Беспорядок. На автомобиле лучше. Веселее. Люди сидят, колеса вертятся, автомобиль ломается. Шутки, смех, пассажиры бойко идут пешком, шофер ругается. Все-таки некоторое разнообразие. И вот на основе этих непреложных фактов, основанных на бесперебойной поломке автотранспорта, у нас родилась идея: как будут вырастать новые места радостного отдыха.

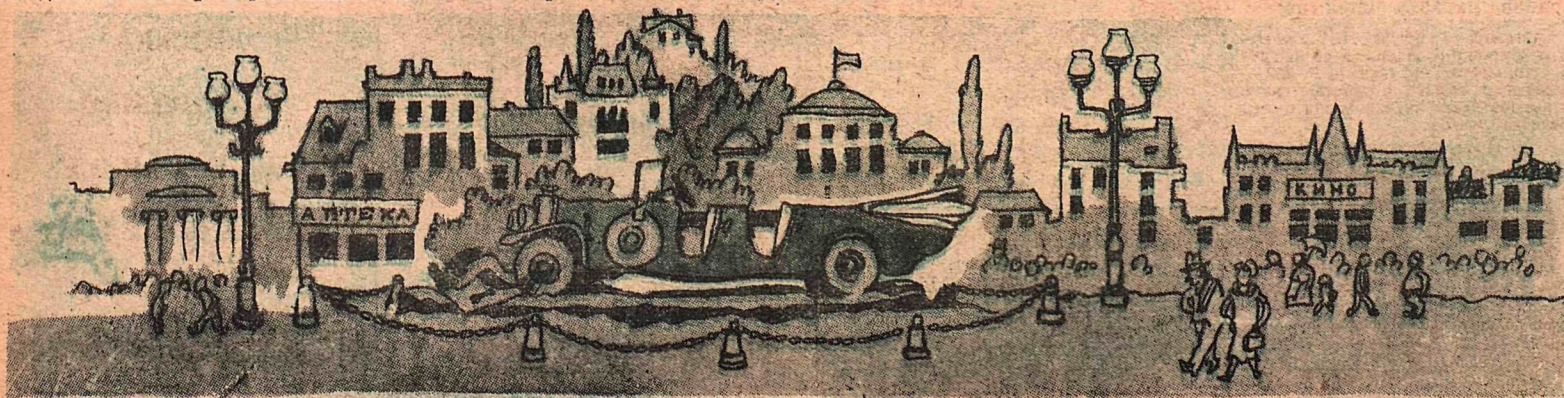
Естественно, что при поломке автомобиль останавливается. Он сломанный двигаться не может. Нет еще такой марки, которая бы в сломанном виде шла, как такси. Нето американцы не выдумали, нето наша техника поотстала. И вот закипает буйная жизнь поперек дороги.

Шофер уходит под автомобиль и пропадает там, как одинокая рыбка в пруду. Чинит и произносит снизу местные нехорошие слова. А пассажиры начинают вести оседлую жизнь, загорают и чинят брюки. Некоторые просто смотрят на воздух и полнеют. И мнут траву собственным весом.

Шофер еще не выплыл из-под автомобиля, а жизнь кругом уже кипит. Курорт рождается, как говорят очеркисты в ежедневных изданиях. Уже есть свой захоз, который носит щепу и сучья для отопления и других коммунальных услуг. Уже кипит меню в котле и кое-кто бьет свежую дичь на выходной день. А некоторые физически отсталые пассажиры готовятся к вечеру самодеятельности.

И что же: на наших глазах возникает курорт по всем правилам курортного искусства. Все на месте. И только по ночам, уже в который раз, раздается тонкий голос шофера, одичавшего под автомобилем:
— Через полчаса поедем.

Дорогой Крокодил

(П И С Ъ М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Товарищ Крокодил!

Если тебя спросят, где находится липецкий курорт, отвечай смело: в XIX веке. Факт тот, что на курорте до сих пор нет ни канализации и ни одной автомашины. А ведь в Липецке прекрасная целебная вода. И сколько этой воды ни утекло, а до сих пор мы живем в грязи и передвигаемся на подводах. Это все очень весело как материал для местных анекдотов и очень грустно для курорта всесоюзного значения. Помогите. Ждем.

А. КОСИН.

Липецк.

Дорогой Крокодил!

В ялтинском санатории им. Пирогова в пятидесяти палатах совершенно нет гардеробов для хранения платья больных. Неужели, отправляясь погулять, больные должны перекидывать через руку вторые брюки и нести с собой в котомке или везти в тележке белье и лишние ботинки?

С. МАЛИКОВ.

Ялта.

Дорогой Крокодил!

Мне срочно нужно было связаться по телефону с Москвой. Пришел я на железнодорожную станцию и заказал разговор. За предварительное извещение московского абонента я уплатил 2 р. 70 к. В урочный час меня соединили с Москвой, и как полагается, абонента дома не оказалось: его, как я выяснил потом, никто и не думал извещать о разговоре. За несостоявшийся разговор с меня потребовали еще 1 р. 80 к.: разговор не состоялся по моей вине. Согласись со мной, милый Крокодил, что если я и виноват в чем-нибудь, то только в том, что поверил кисловодским органам связи. Даю слово больше такой глупости не делать.

А. ЦФАСМАН.

Кисловодск.

Дорогой Крокодил!

Вот уже несколько дней чувствую себя на положении маленького Пушкина. Я лежу, а около меня сидит нянька и рассказывает сказки. Впрочем, сказка у нее одна и та же: о том, что 41 врач не имеют возможности часто обходить больных и от 6 вечера до 7 утра оставляют их на попечение нянь. А дело происходит в санатории для легочных больных при Ялтинском государственном институте медицинской климатологии и климатотерапии. Говорят, что у семи нянек — дитя без глазу. А у нас очень может случиться, что у семи нянек взрослое дитя может остаться без легкого.

В. АРСКИЙ.

Ялта.

Дорогой Крокодил!

В ливадийском санатории комбината им. Сталина существует несколько превратное представление о нервной системе больных. Так например, там полагают, что значительному укреплению нервов способствует пятичасовая санобработка прибывающих, причем из этих пяти часов 4½ вы дожидаетесь очереди, а полчаса вас поливают холодной водой. Со стороны это, может быть, даже занимательно, но для потерпевших (а это самое лучшее определение для прибывающих) это далеко не весело.

А. СТОРИКОВИЧ.

Ливадия.

Дорогой Крокодил!

Пишу тебе из симеизского санатория им. Фрунзе. Вот краткий список удовольствий бесплатного порядка для живущих в санатории.

Утром можно пойти в зал отдыха и вымазаться мелом, которым покрашены стены. В полдень можно обнюхать фонтан, который не бьет, но очень плохо пахнет. Вечером, в порядке живой очереди, можно дожидаться, когда вам удастся сесть отдохнуть на одну из немногочисленных скамеек.

К платным, вернее многооплатным, удовольствиям следует отнести: поездку в Ялту (10 р. 50 к.), в Гурзуф (15 р.), вылазку в кино (6 р.). Откуда этот старореестранный пошиб — содрать с курортника все, что только можно, и не следует ли администрации почаще заглядывать в календарь и газеты, чтобы убедиться, в какое время и где она живет?

Ф. ДАГАЯРОВ.

Симеиз.

Дорогой Крокодил!

У нас в санатории «Минутка», в Ессентуках, недавно для нервнобольных демонстрировали фильм «Бухта смерти», где подробно показаны ужасы белогвардейской контрразведки. Фильм оказался настолько убедительным, что пришлось вызвать врачей, чтобы привести в чувство нескольких больных.

В санатории ходят упорные слухи, что наши культработники решили окончательно развлечь больных и намерены организовать экскурсию в местный морг или, в крайнем случае, в хирургическое отделение ессентукской больницы. Верно ли это, дорогой Крокодил?

О. ПОЛЮХОВА.

Ессентуки.

Дорогой Крокодил!

На курорте Иссyk-Ата (Киргизия) в позапрошлом сезоне за два с половиной месяца сменилось 5 директоров. В прошлом году за такое же время сменилось 2 директора. Сейчас я собираюсь ехать в Иссyk-Ата и не знаю, что мне с собой брать: только эмалированный чайник и белый костюм или захватить с собой на всякий случай еще и пару запасных директоров, чтобы на курорте не было перепоя. Как ты думаешь?

Н. КАЛИТНИКОВ.

Уфа.

Дорогой Крокодил!

Хорошо принимать грязевые ванны, когда они вам

прописаны, и к тому же в соответствующих помещениях. А мы, курортники кисловодского санатория «Скала», безотлучно находимся в грязи, даже не выходя из здания. Канализация не работает. Мыться в бане разрешается только 1 раз в десять дней. У больных нет ковриков около кроватей. Нет ночных туфель. Единственно, что есть и в полном изобилии, — это завхоз, который ежедневно пьян. Другого отношения к гигиене он не имеет. Так мы живем здесь в сладких мечтах поскорее вернуться домой и отмыться как следует.

П. КУРАТОВ.

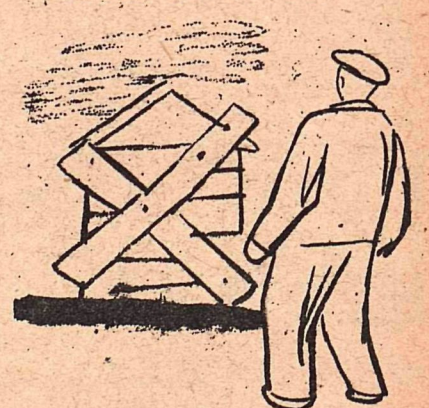
Кисловодск.

ИСТОРИЯ НЕ ОДНОГО ЦЕЛЕБНОГО ИСТОЧНИКА

Рис. Л. Генча

Забил источник.

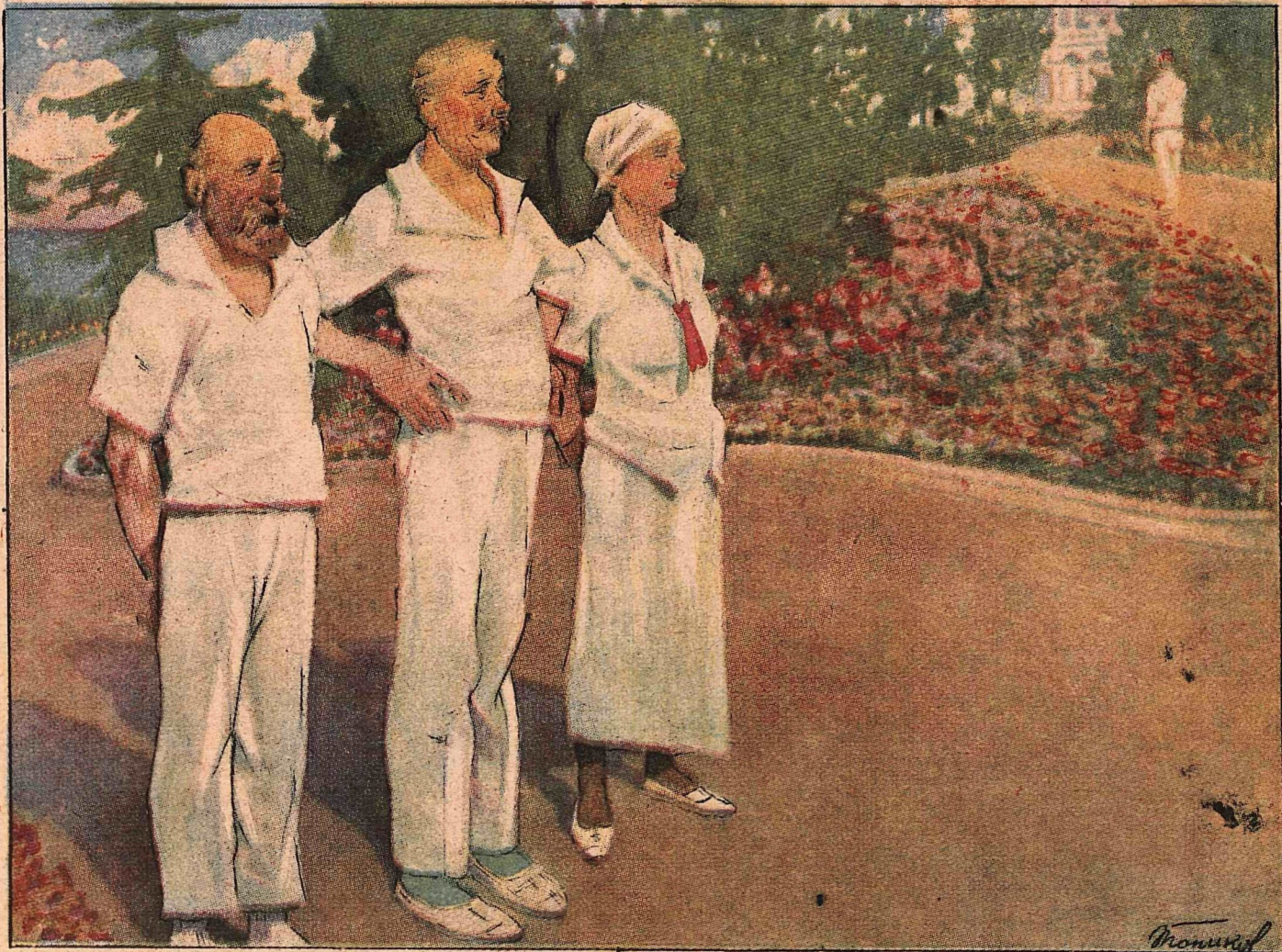
Забил источник.

Забил источник.

КОЛХОЗНИКИ В ЛИВАДИИ

Рис. А. Толикова

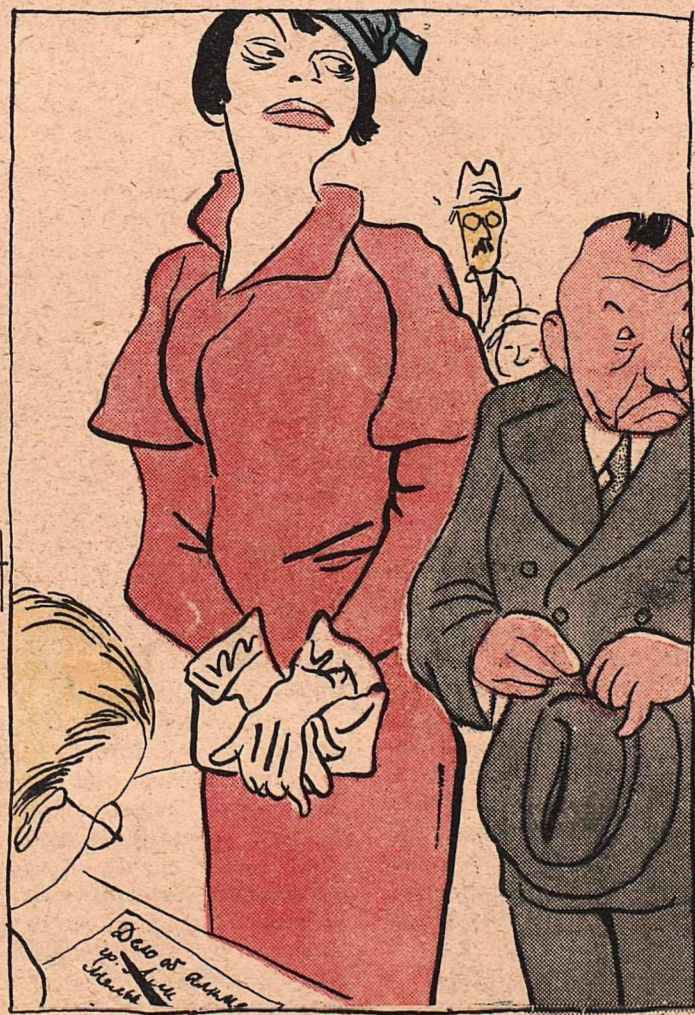
— А из нашей деревни кто-нибудь в этом доме отдыха бывал раньше?
— А как же. Наш бывший помещик.

„ПЯТАЧОК ПОГУБИЛ“

Рис. Л. Генча

Началось в Кисловодске.

Кончилось в Москве.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.— 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 638.

Сдача текста и рисунков 23/VI 35 г.

Подп. к печ. 8VII-35 г.

Статформат 72×108. 1/8 л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоченный Главлита № Б—8949. Типография газ. „Правда“ им. Сталина, ул. „Правды“, 8.

Зак. № 118.

Тир. 300.000

— Жанна, если ты будешь вести себя хорошо, то я разрешу тебе в будущее воскресенье вместе с отцом подышать на крыше свежим воздухом.